

Владимир Бердников

Арина Великая

Подвиги первых клонов

18+

Владимир Александрович Бердников

Арина Великая

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=41311772

SelfPub; 2019

Аннотация

В СССР накануне его распада проводились работы по клонированию людей. В 1991 году появились на свет три клона успешных ученых: Арина, Олег и Илья. Арина нацелилась стать президентом России, Олег решил построить робота, наделённого сознанием, а Илья бросил свои силы на создание клонов, превосходящих по интеллекту современных людей. Через 20 лет напряжённого труда клоны достигают своих целей, но к чему приведёт их успех?

Содержание

1	5
2	13
3	20
4	31
5	37
6	49
7	58
8	69
9	88
10	99
11	104
Конец ознакомительного фрагмента.	105

Стоит только попристальнее взглядеться в настоящее, будущее вдруг выступит само собою.

Н.В. Гоголь

1

В студенческие годы Николай Михайлович Быстров был влюблён в одну милую девушку – кареглазую шатенку с тонкой белой кожей и пышным пучком волнистых каштановых волос. Звали её Кариной. Она была довольно высокого роста, с высокой грудью, и голос её был высоким и чистым – голос ангела, шутил Быстров. Карина курила, и они оба часто сживали в курилке публичной библиотеки на Фонтанке, ведя умные разговоры. Он не помнил чётко, о чём они говорили, но прекрасно помнил, как нежно она улыбалась ему и как, стряхивая пепел в урну, опускала свои тяжёлые голубоватые веки, отороченные длинными, изогнутыми на концах ресницами.

Судьбе было угодно, чтобы на четвёртом курсе они растались, прожили оставшуюся жизнь в разных городах, и Быстров, погружённый в интересную работу, редко вспоминал о ней. Несколько лет назад через общих знакомых он узнал, что Карина умерла, не оставив детей. Вспомнил её бледное задумчивое лицо и тёмные погружённые в себя глаза, снова ощутил магнетизм её незаурядной личности и снова забыл.

В сентябре 2010-го года уже 69-летний Николай Михайлович приехал в Петербург в командировку на научную конференцию. Два дня убил на слушанье скучных и мелких до-

кладов (кстати сказать, он и своё сообщение считал скучным и мелким), но остаток командировочного срока приберег для более интересных дел.

В последнее время что-то надломилось в душе Быстрова. Интеллект и творческая способность практически не изменились, и мировоззрение осталось прежним, но пропало чувство, что впереди у него много времени и что где-то там, за пресловутым поворотом перед ним в очередной раз распахнётся дверь в мир новизны, света и счастья. Он нередко стал ловить себя на мысли, что всё прекрасное и радостное осталось в прошлом. И душа старого человека потянулась к местам, где пролетели его студенческие годы – годы, когда он жил мечтами о светлом будущем. Собственно, ради встречи со своей молодостью и приехал он в Петербург, который по привычке называл Ленинградом.

Он знал, что из его близких студенческих друзей в живых остался лишь Димка Макаров. Думая о нём, Быстров вспоминал, как в начале шестидесятых бродил с ним по тёмным улицам великого города и развивал дерзкие идеи о перспективах, которые откроются перед человечеством, когда будут поняты молекулярные механизмы эволюции. Обычно Димка слушал Быстрова рассеянно, больше молчал, недоверчиво улыбался и смотрел куда-то вперёд. Лишь однажды какая-то экстравагантная мысль юного Быстрова изменила поведение Димки: он остановился, внимательно взглянул на приятеля,

и, покровительственно хлопнув его по плечу, изрёк: «Далеко пойдёшь, старикашка!» Что Димка сам далеко пойдёт, даже не обсуждалось.

И вот спустя 45 лет они встретились. Быстров с трудом узнал человека, с которым был накоротке все годы студенчества. Димка стал чрезвычайно худ. Синеватая тонкая кожа обтягивала кости его лица. Плохо выбритая нижняя челюсть часто отвисала, открывая жёлтые, будто изъеденные кислотой редкие зубы. Все полчаса их встречи Макаров просидел в старом продавленном кресле, рядом с которым на низком полированном столике лежала потрёпанная толстая книга в зеленоватом выгоревшем переплёте.

– Ну, и на что же ты ухлопал свою жизнь? – не скрывая иронии, спросил Макаров. – Помнится, когда-то тебя интересовали молекулярные основы эволюции. Ну и как? Узнал что-нибудь?

– Кое-что мне удалось, хотя до полного понимания ещё далеко.

– Не далеко, а бесконечно далеко, – сухо отрезал Макаров.

– Ошибаешься, – возразил Быстров, – прогресс в технике анализа ДНК позволит вскрыть механизм эволюции уже в ближайшем будущем.

– Прогресс, прогресс, – раздражённо забухтел Макаров. – Вот слово, которое ослепляло всех нас в 60-х, – он помолчал, успокоился и, глядя в пол, произнёс тоном судьи: – Я

убеждён, это дьявол подсунул нам идею прогресса.

– Господи, Димыч, ну причём тут дьявол? У тебя странные шутки.

Димка молчал, мрачно нахохлившись. Было видно, что дьявола он упомянул неспроста.

– Давай сменим тему, – предложил Быстров..

– Давай, – равнодушно согласился Макаров.

– Ты не мог бы сказать, как сложилась жизнь у Карины Титаровской? – спросил Быстров.

Димка вздрогнул, и гримаса лёгкого презрения пробежала по измождённому лицу.

– Ещё не забыл свою любовь?

– Представь, не вполне. Иногда вспоминаю.

– Я, как ты понимаешь, особо не интересовался её жизнью, – не поднимая глаз, пробурчал Макаров. – Знаю только, что вскоре после окончания конторы она вышла замуж за Валеру Позднякова, но через год его бросила. Говорили, не сошлись характерами.

– Чем же она занималась?

– Поначалу Карина работала в нашей лаборатории белка. Тогда мы с нею ещё пересекались. Она, видишь ли, искала вещества, повышающие умственную активность, – Макаров без видимой причины разволновался: – Фантазёрка! Чистая фантазёрка! Подумать только! Мечтала лишить нас потребности в сне. Несла сущую околесицу про райскую жизнь вечно бодрых людишек будущего. Короче, вселилась в неё со-

вершенно непотребная, я бы даже сказал, дьявольская мыслишка – изменить человеческую природу.

– Ну и как? Получилось у неё что-нибудь?

– Да где там! Разругалась в дым со своим шефом; помнишь, был у нас такой Павел Афанасьевич Протинский? Прмерзкий тип, скажу я тебе.

– Извини, не помню, точнее, не уверен, что помню, – на момент перед Быстровым промелькнуло бледное лицо, круглые очки в металлической оправе и меньшевистская борода, но он не знал, точно ли этот образ принадлежал доктору Протинскому.

– После того скандала, – продолжил Макаров, – Карина ушла из университета и устроилась на кафедре физиологии Первого Меда. С тех пор я её, фактически, не встречал... Правда, в конце восьмидесятых мы пересеклись на похоронах Валеры Позднякова. На поминках перекинулись минимальной информацией. Она сказала, что изучает животных, обходящихся без сна. Похвалялась, что якобы нашла молекулярный фактор, ответственный за их вечную бодрость.

– А что случилось потом?

– А потом случилась Перестройка – долгожданная эпоха прозрения,.. кстати, давно обещанная библейскими пророками. Но за позднее прозрение всем нам пришлось, как положено, хорошо заплатить. Финансирование науки, сам знаешь, было урезано в разы, и Карину попросту сократили. Кому нужен ершистый сотрудник, копающий под устои? Но на-

ша нигилистка, видишь ли, жила одной лишь работой. Вынужденное отлучение от привычного дела подкосило её здоровье. Стала пить, курить без меры и где-то в конце девяностых скончалась. Рак лёгких.

Быстров вздохнул:

– Бедная Карина! Выходит, она так и не завершила своё дело.

– Да не жалея ты её! Важно не то, что мы сделали в этой жизни, – Макаров гордо откинулся на спинку своего дряхлого кресла, – важно, ЧТО мы в ней поняли.

– Судя по уровню твоей убеждённости, ты что-то понял, – Быстров иронично скривил рот.

И тут Макаров заговорил быстрее и громче:

– Долгих двадцать четыре года я усердно вспахивал научную ниву, добывая степени и награды... Но лишь с приходом благословенной Перестройки мне, наконец, открылось, что наша академическая наука – это никакой не поиск истины, а самое что ни на есть очковтирательство. Я понял, – глаза старого Димки зажглись, на щеках проступили красно-синие пятна, – я понял, наконец, – страстно повторил он, – что материализм неверен в принципе, и что в основе всего, что мы видим и что мы пыжимся постичь, лежит Великий план, созданный тем, кого издавна принято называть Богом, – Димка мудро помолчал и с усмешкой добавил: – Вот так-то, старикашка. Как видишь, снова подтвердилась старая истина: «Всё новое – это хорошо забытое старое».

– Эко тебя занесло! – фыркнул Быстров. – А мне кто-то говорил, что в начале восьмидесятых ты в Партию вступил.

– Было дело, – спокойно, с чувством правоты ответил Макаров, – но без этого я не мог бы защитить докторскую. Семейку-то, сам понимаешь, надо было как-то кормить.

Быстров попытался немного поспорить, но вскоре прекратил это пустое занятие.

– Странно, что ты остался на старых, обанкротившихся философских позициях, – подытожил Макаров их краткий спор. – Ведь в молодости ты был, я бы сказал, очень даже не глуп. Как же ты умудрился не понять, хотя бы за последние двадцать лет, что всё, что нам вколачивали в башку в школе и особенно в конторе, всё это было чепухой и очковтирательством? Встряхнись, старикашка, оглянись окрест! Неужели ты до сих пор считаешь, что человек с его божественным разумом появился на Земле вследствие тупого дарвиновского процесса? И что жизнь каждого из нас ограничена лишь временем нашего земного существования?

– Да, я так считаю и не меняю своих убеждений при смене политических ветров, – твёрдо ответил Быстров.

– Ну, тогда нам не о чем говорить, – холодно отрезал Макаров, схватил с журнального столика толстую книгу и стал нервно перелистывать её страницы. Этой книгой была Библия в синодальном переводе.

– Ну, тогда прощай, – буркнул Быстров.

Быстров брёл в сторону университета и пытался понять, что же заставило довольно способного Димку разочароваться в науке и удариться в религию. Решил, что его перерождение, скорее всего, связано с фиаско на научном поприще. Димка ожидал от себя куда большего, да и начинал он неплохо, но не хватило, как говорят спортсмены, морально-волевых. Погрузился в склоки, обычные в научных коллективах, боролся за должности, за зарплату, за жилплощадь, за заграничные командировки. Незаметно наука перестала быть главным занятием его души. Великие свершения не получались. Проще было обвинить всю академическую науку в очковтирательстве. Однако остаться у разбитого корыта тоже не хотелось, вот и появились сладкие мысли о бессмертии души, о Божестве и о Великом плане. Ведь эти мысли сводили к нулю все достижения его сотоварищей по цеху.

– А что я? – задумался Быстров. – Почему я выдержал все испытания и, как пушкинский Арион, «песни прежние пою»? Почему по-прежнему верю в прогресс и светлое будущее? Может быть, из-за собственной глупости? Да нет, скорее из-за того, что, несмотря ни на что, не сник и даже кое-чего добился. Успешные люди не меняют своих убеждений.

2

Быстров заглянул в коридор университета, отметил, что здесь мало что изменилось; вышел на набережную, пересёк Неву, постоял у Александрийской колонны, припомнив, как в одну из белых ночей отчаянно спорил тут с нечёсаными парнями из Публички. Удивился, что ничего не помнит о существовании того спора, и двинулся по чётной залитой солнцем стороне Невского.

Здесь всё дышало его молодостью. Вот книжный магазин, куда он всегда заходил, подолгу разглядывал книги и обычно ничего не покупал. Вот столовая, где подавали очень вкусные пожарские котлеты, вот кафе, где он впервые выпил чашечку настоящего натурального кофе. Взойдя на Аничков мост, бросил взгляд на здание, где когда-то размещался студенческий филиал Публички, и вспомнил Карину Титаровскую с её глазами, улыбкой и нежностью. Образ девушки просто вспыхнул перед его глазами. От приступа чистой радости он даже остановился, и куда-то спешащие люди стали обходить его, недовольно бурча. И вдруг высокая девушка, обходя Быстрова, заглянула ему в лицо. Боже правый! – это была Карина. Те же большие карие глаза, тот же точёный носик, та же бесконечная нежность.

– Вам помочь? – раздался высокий чистый голос.

– Карина! Ты? – обомлел Быстров. – Как ты тут оказалась?

– Мы знакомы? – волна изумления прокатилась по лицу девушки.

Ноги Быстрова стали ватными, и он заметно шатнулся.

Девушка подхватила его под руку и подвела к чугунным перилам моста. Затем извлекла из сумочки мобильник и стала быстро что-то набирать на его клавиатуре.

Нелепость ситуации заставила Быстрова кисло улыбнуться.

– Девушка, я не нуждаюсь в медицинской помощи!

– В чём же вы нуждаетесь? – в её тёмных глазах вспыхнул весёлый огонёк.

– Вы не поверите, – стал оправдываться, овладевший собой Быстров, – но я хотел бы с вами поговорить. Не спрашивайте почему, в двух словах не объяснишь. Представлюсь: меня зовут Николай Михайлович Быстров. Я приехал из Сибири, из Академгородка, вспомнить свою студенческую молодость.

– А меня зовут, как вы угадали, Ариной. Я студентка университета, учусь на биофаке. Между прочим, уже на втором курсе. Сейчас бегу к подруге, которая живёт на Марата.

– А на кого вы учитесь? – не сдержал любопытства Быстров.

– На молекулярного биолога.

– Вы не поверите, но я тоже учился на биофаке, когда специальности молекулярная биология ещё не было. Вместо неё была биохимия. Я окончил университет в 64-ом... Тогда

этот город назывался Ленинградом, а там, – Быстров указал рукой на большое здание на набережной Фонтанки, – я вёл умные беседы с девушкой, похожей на вас, как две капли воды. И даже имя её было очень похоже на ваше. Её звали Кариной, и училась она со мной в одной группе, в группе биохимиков.

– С ума сойти! – рассмеялась Арина. – Вы не находите, что число совпадений перевалило за все разумные пределы?

– Да нет же, вы действительно копия Карины, Карины Титаровской. Её имя просто вырвалось у меня, когда я увидел вас.

Арина мгновенно посерьёзнела и всмотрелась в лицо пожилого человека: высокий морщинистый лоб, плавно переходящий в обширную лысину, очки, за которыми поблёскивают небольшие серые глаза, пара глубоких вертикальных морщин между бровями.

– Вы меня элементарно разыгрываете?

– Какой мне смысл вас разыгрывать? Хотите не верить, так и не верьте, но мой жизненный опыт учит, что самые удивительные вещи не придумываются, они просто случаются, правда, нечасто.

Арине хотелось верить этому странному человеку, но она знала, как опасно доверять случайным встречным.

– И всё-таки, откуда мне знать, что вы не разыгрываете меня? Сейчас в стране орудует масса аферистов.

– Хорошо! – рассмеялся Быстров. – Я попробую дока-

зять вам свою невиновность, но это потребует времени. Хотя один аргумент я знаю. Давайте зайдём в ближайшее кафе с интернетом.

В кафе Быстров вынул из портфеля маленький ноутбук, набрал в поисковике свою фамилию, и вскоре Арина могла убедиться, что в интернете есть фотография «афериста» и пара его книг. Более того, Быстров извлёк из своего фотоархива цифровую копию снимка студентов его группы, Арина сразу заметила среди них ту Карину и внимательнейшим образом рассмотрела её.

– Да, определённое сходство есть, но не такое уж исключительное. У вашей одноклассницы глаза больше моих, – намеренно равнодушно пробурчала девушка.

– Арина! – улыбнулся Быстров. – Вы, безусловно, не Карина, в этом я уверен на все сто, но также верно и то, что вы ужасно на неё похожи. И глаза ваши ничуть не меньше. Фактически, вы двойник Карины.

– А этот высокий и смеющийся тип, случаем, не вы? – Арина ткнула пальцем на самого высокого юношу на фотографии.

– Да что вы? Это Димка Макаров – один из первых интеллектуалов нашего курса.

– Ой, извините, Николай Михайлович, этот парниша, конечно же, не вы. У него глаза другие и подбородок массивнее вашего. А где же здесь вы? – спросила Арина, не отрывая

глаз от снимка.

– Меня там нет, я же сам и фотографировал. Видите, я не пытаюсь манипулировать вашим сознанием. Я просто показываю вам, что иногда с нами случаются странные вещи.

– Да, пожалуй, – растерянно согласилась девушка.

Увидев, что опасения Арины рассеялись, Быстров заказал по бокалу шампанского и мороженое.

Они сидели, с интересом смотрели друг на друга и молчали. Быстров не знал, что чувствовала Арина, но сам он весь ушёл в далёкое время своей молодости. Удивительно, но девушка напротив и улыбалась точно так же, как та давно исчезнувшая Карина. И у неё были такие же зубы, и такие же тяжёлые голубоватые веки, и такие же пальцы, и такие же чётко очерченные губы. О, эти губы! Сколько раз он целовал их. Как ему нравилось водить пальцем по глубокой седловинке верхней губы! Мир вокруг Быстрова будто изменился, но более всего изменился он сам. Шампанское ударило ему в голову, и он почувствовал лёгкую влюблённость в эту Арину. Он начал ей рассказывать какой-то старый-престарый анекдот, и сам удивился, как молодо зазвучал его голос, и как беззаботно он рассмеялся. Куда девалась обычная для него сухость и даже жёсткость?

Быстров проводил Арину до угла с улицей Марата, она, прощаясь, подала ему руку и быстро проговорила: «Николай Михайлович, эта встреча с вами навсегда останется в мо-

ей памяти. Боюсь, теперь я не смогу отделаться от странной мысли, что каждый из нас повторяет чью-то жизнь». – «Прощайте, Арина!» – весело рассмеялся Быстров и энергично зашагал назад по нечётной стороне великого проспекта.

Он шёл, и внезапно в голове его прозвучала короткая фраза: «Леви был прав. Реальность нас гипнотизирует». – «С чего бы это?» – спросил себя Быстров и вспомнил, что когда-то в начале семидесятых он прочёл великолепную книгу Владимира Леви об аутотренинге. Там речь шла о тайнах сознания и подсознания, но более всего молодого Быстрова поразила одна мысль, будто мимоходом брошенная автором. Её он запомнил на всю жизнь:

«Нас непрестанно гипнотизирует величайший гипнотизёр – реальность, и его главный агент – человеческое окружение. Всё происходящее внушает нам себя...».

«Ужасная мысль, – буркнул под нос Быстров, – фактически Леви намекает, что все мы живём в мире гипнотических грёз. А как же быть с нашей бесконечной борьбой за всё хорошее против всего плохого? Неужели и она соткана из наших грёз?»

Встреча с девушкой, чрезвычайно похожей на Карину, настроила Быстрова на философский лад: «Вот оно путешествие во времени! Удивительно, какой глубокий след оставили в моей памяти часы, проведённые с Кариной в начале

шестидесятых. Увидев сегодня девушку, похожую на неё, я невольно активировал тот след и перенёлся в своё далёкое прошлое. А мог бы я перенестись в будущее? – спросил себя Быстров и усмехнулся: – В будущее нельзя. В будущем я не жил, и в моей памяти нет следов от ещё не случившихся переживаний, стало быть, нечему там и активироваться».

3

Естественно, в тот вечер Быстров долго не мог уснуть, Карина Титаровская не отпускала его. Вспомнил, как впервые увидел её в сентябре 59-го. Это случилось на лекции по зоологии беспозвоночных. Карина, слегка опоздав, вбежала в аудиторию перед самым приходом лектора. Все места на нижних рядах были заняты, она пробежала вверх и бухнулась на первое свободное сидение у прохода. На соседнем месте сидел он. Вошёл пожилой профессор, поздравил студентов с новой жизнью и приступил к увлекательному рассказу об амёбах.

Быстрова сразу заинтересовала девушка, сидящая рядом, и не только своей великолепной внешностью, но и той, воспетой нашим народом ленинградской утончённостью. Она слушала лекцию с лёгкой улыбкой на бледных некрашенных губах. Это не была улыбка восторга, или презрения, или иронии, скорее, это была улыбка интереса к лектору – красивому, породистому барину, влюблённому в мир ничтожных, невидимых глазом существ. Девушка раскрыла тетрадь, но только слушала, будто в словах профессора не было ничего достойного фиксации на бумагу.

Прозвенел звонок на перерыв, они вместе вышли из аудитории, встали возле урны и закурили, она – дорогую американскую сигарету Честерфильд с длинным фильтром, он –

дешёвую отечественную Аврору без фильтра.

– Может, познакомимся? – зазвучал её ангельский голос.

– Меня зовут Николаем, я собираюсь стать биохимиком, – с готовностью ответил Быстров.

– А меня родители почему-то назвали Мариной, и я тоже не прочь заняться биохимией.

После лекции они зашли в буфет, выпили дешёвенького суррогатного кофе и обменялись сведениями друг о друге. Он сказал, что приехал из Луги – маленького городка под Ленинградом – и живёт в общежитии в районе Гавани. Она же, как Быстров и предполагал, была коренной ленинградкой и жила с родителями в просторной квартире на Литейном.

Следующей лекцией была История КПСС, но, оказалось, Марина не собиралась её слушать.

– Николай, я должна бежать домой, сегодня у отца день рождения. Может, запишешь эту муру, чтобы и я могла воспользоваться твоим конспектом? – она одарила его ласковым взглядом своих темно-карих, почти чёрных очей.

– О чём разговор, Марина? Ведь биохимики, в отличие от жалких ботаников и зоологов, должны поддерживать друг друга, – весело ответил Быстров и добавил наигранно серьёзно: – Не правда ли?

Марина от души рассмеялась и побежала по самому прекрасному в мире коридору в сторону выхода на набережную

Невы.

Потом они редко встречались с глазу на глаз. Быстров все перерывы проводил в мужской компании, и Карина нашла себе подруг. Он жил университетом и учёбой, много времени проводил в публичной библиотеке на Фонтанке. А полем деятельности Карины был весь Ленинград. И повсюду – в трущобах и в дворцах – у неё были знакомые и друзья.

После первой сессии стал ясным расклад сил в группе. Первую позицию среди юношей занял Валера Поздняков, сдавший экзамены на одни пятёрки, вторым шёл Макаров, Быстров был третьим. У девушек первое место с большим отрывом заняла Карина. Быстров вспомнил, как готовясь к экзаменам, он читал не только учебники, но и всё, к чему его тянуло. Тогда он ещё не умел концентрировать свои усилия на чём-то одном. Это хорошо чувствовала его мать, любившая повторять: «Николай, у тебя неплохие способности, но ты разбрасываешься. Учти, ты ничего не добьёшься, если не научишься управлять своим вниманием». Увы, мать была права. Только с годами, где-то к двадцати пяти, он овладел искусством сосредоточения.

Итак, наиболее успешным юношей в группе оказался Валера Поздняков, и неудивительно, что Карина заинтересовалась им. Вскоре у них закрутилась любовь. Быстрову же оставалось лишь локти кусать, досадуя, что упустил девуш-

ку, лучше которой не встречал и едва ли сможет когда-нибудь встретить.

Время шло, и в начале второго курса в жизни Быстрова случилось важное событие: в коридоре своего общежития он встретил поразительно красивую девушку. Высока, стройна, всё на месте, а лицом – чистая мадонна Боттичелли. Все иные девушки для него тотчас померкли, и даже образ Карины поблёк, будто подёрнулся поволокой. Оказалось, ангелоподобное создание обитало в одной комнате с Нелькой – девушкой из его группы. Зайдя под пустяковым предлогом к Нельке, Быстров выяснил, что зовут мадонну Надеждой, что учится она на первом курсе биофака и приехала из далёкого Тобольска.

Красавица, слава богу, ещё не обзавелась свитой из воздыхателей, так что у Быстрова были неплохие шансы. Особенно удобно было встречаться с нею на танцах, которые регулярно устраивались в общежитии. Надо сказать, что, чаще общаясь с Надеждой, он стал привыкать к ней, и первое убойное впечатление от её внешности со временем притупилось. К тому же она оказалась далеко не самой быстрой в сообразительности, хотя окончила школу с золотой медалью. Да и специальность себе выбрала довольно скромную, считавшуюся в среде друзей Быстрова непрестижной, – физиологию растений.

Нелька, конечно, рассказала подружкам, что Николай

приударяет за девушкой из Тобольска. Одной из первых об этом узнала Карина. И тут подтвердилась справедливость слов Пушкина: «Чем меньше женщину мы любим, тем легче нравимся мы ей». Карина была возмущена. Видимо, Быстров уже давно рассматривался ею как надёжный поклонник второго плана, а тут вышло, что верный раб восстал. Она специально сходила на какую-то лекцию первого курса и убедилась в исключительной красоте сибирячки.

Далее последовали события одно другого нелепее. Карина стала грубить Быстрову по малейшему поводу. Старалась высмеять его провинциальную неотёсанность и неумение точно выражать свои мысли. Он терпел, соблюдая неписанный закон позволять разъярённой красивой самке делать всё, что ей вздумается. Несправедливость её придинок была очевидной, и она сама это понимала. Надо сказать, Быстрову даже нравились взрывы её негодования. Девушка осыпала его градом язвительных слов, а он, не вникая в их смысл, наслаждался звучанием её напряжённого голоса, любовался полыханием гнева в агатовых очах, горением щёк и пляской негодующих губ. Наконец, произошёл кризис.

Однажды они случайно встретились в здании истфака. Там находилась лаборатория химии белка, и несколько человек из их группы хаживали туда для получения первого опыта практической биохимической работы. Дело было вечером, Быстров поднимался по безлюдной лестнице, а на

площадке второго этажа стояла Карина и курила свою ароматную честерфильдину.

– Куда же, Николенька, ты путь держишь? – криво улыбаясь, процедила она. – Ботанички тут не водятся. Кафедра физиологии растений, между прочим, совсем в другой стороне!

Она уже готовилась продолжить свою язвительную брань, как вдруг он, ни слова не говоря, крепко обнял её и поцеловал в губы. И вместо того, чтобы вырваться из его объятий, рычать и бить по лицу, Карина прижалась к Быстрову всем телом, и он почувствовал, что и она целует его. Так, обнимаясь и целуясь, они простояли не менее двух минут. Наконец, Карина освободила свои губы и громко прошептала:

– Николай, что ты творишь со мной? Неужели ты не видишь, что я вконец изревновалась?

– Но ведь ты любишь Валеру. Он достойный человек, я уважаю твой выбор.

– Я разочаровалась в нём, Николенька. Валера зануда, у него всё по полочкам разложено. Он, между прочим, даже встречается со мной по графику. Два раза в неделю – во вторник и в пятницу.

– Ах вот как! Похоже, вы далеко зашли! Когда свадьба?

– Какая, к чёрту, свадьба? – возмутилась Карина. – Не ожидала, что ты мог подумать обо мне такое. «Встречи» с Валерой – это нечто из ряда вон. Мы сидим на укромной скамеечке и отчитываемся друг перед другом о содеянном

за время, протекшее с момента последней «встречи», а потом, – девушка кисло усмехнулась – мы, представь себе, планируем дела на следующий отчётный период.

– Ладно, Кариночка, извини за резкость. Знала бы ты, что чувствует простой самец, проиграв бой за лучшую самку популяции.

Она засмеялась.

– Не издевайся. Какая я лучшая? Где мне до твоей сибирячки!

– Давай не будем перемывать косточки безвинной Надежды. Она прекрасна, как ангел небесный, но мне с нею скучно. Не знал, что красота может надоедать. Ум, сдаётся мне, надоесть не может.

– Ох, не говори, Николенька! Только после общения с Валерой я поняла, как скучно иметь дело с умным мужчиной, который каждый день составляет подробный план своих действий. Представь себе, он всю жизнь свою подчиняет плану: кого любить, с кем дружить, кого выбрать руководителем, какую книгу прочесть и прочее в том же роде. И что самое ужасное, он правильно всё оценивает и, фактически, всегда добивается своего.

– Постой, Карина! Может быть, так и нужно поступать. Наверное, для того и дарован нам интеллект.

– Я много думала об этом. Всё не так-то просто. Интеллект, конечно, дело важное, даже очень важное, но личность человека умом не исчерпывается.

– Что же может быть важнее ума? – искренне удивился Быстров.

Глаза Карины настроились на бесконечность:

– Не менее важна спонтанность, искромётность. Интеллект, сдаётся мне, не творит, он лишь оценивает и отбирает сотворённое. Валера же сух, он не фонтанирует.

– Ну, если судить людей по их фонтану, то посмотри на Борьку Остроумова из биофизиков. У него каждый день новая идея. Борька живёт в моём общежитии и почти каждый день заставляет меня выслушивать его очередное озарение. И мне приходится каждый раз разрушать возведённый им карточный домик. Дошло до того, что я боюсь встречаться с ним.

– Вот, Николенька, мы и договорились, – весело защебетала Карина. – Нужны и фонтан и ум. Если силён фонтан, а ума не хватает, то, на мой взгляд, человек – трепло. Если нет фонтана, а есть ум, то человек – зануда.

– А кто я, по-твоему? – спросил Быстров и приготовился к жёсткому разбору.

– А у тебя, Николенька, удачный баланс, – проворковала Карина и наградила Быстрова долгим поцелуем.

С того разговора на лестнице и завязалась их то ли дружба, то ли любовь. Они жили мечтами о будущем, прекрасном и безумно интересном, планировали вместе решать великие проблемы... и всё-таки разошлись.

Однажды (уже на четвёртом курсе) Карина подговорила Быстрова сходить в Мариинку на дневной воскресный спектакль. Давали «Евгения Онегина». Быстров был в восторге, а Карина посмеивалась: «Завидую тебе, сколько радости ты получишь от ещё непрслушанных опер и непрсмотренных балетов». Она была права, у провинциала есть этот запас нереализованного удовольствия от контакта с прекрасным.

После спектакля они пошли, беззаботно болтая, куда глаза глядят, и вскоре оказались возле изумительного по красоте Никольского морского собора. «Зайдём?» – Карина бросила на Быстрова просящий взгляд. «Зайдём», – согласился он. Ему давно хотелось побывать в церкви, но было как-то неудобно стоять среди молящихся, не молясь.

Они подошли ко входу в собор, и вдруг Карина вытащила из сумочки лёгкую косынку и накинула её на голову. Сказала: «Ты, конечно, знаешь, что женщинам не положено находиться в церкви с непокрытой головой».

В огромном храме было малоллюдно – не более двадцати прихожан, в основном пожилые женщины. В полумраке сверкало золото икон и утвари. Пахло воском горящих свечей. Карина купила свечку, подошла к иконе Распятия и дважды перекрестилась. На мраморном столике под иконой уже горело несколько свечей, Карина зажгла от их пламени свою и вставила её в свободный подсвечник. Губы девушки что-то шептали. Она снова перекрестилась, смиренно склонилась и, пятась, отошла от иконы.

Когда вышли из собора, Карина сняла косынку и, глядя на удивлённое лицо Быстрова, сказала:

– Эту свечку я поставила на помин души моей бабушки. Она умерла в прошлом году.

– Ты веришь в Бога? – не сдержался он от банального вопроса.

Скривив рот, Карина гневно отпарировала:

– А ты, конечно, доказал его отсутствие?

– А это и не нужно доказывать.

– Почему?

– Потому что для применения данной гипотезы уже давно нет ни малейших оснований.

Вспышка гнева исказила лицо Карины; Быстров уже приготовился к жёсткой отповеди, как вдруг лицо девушки разгладилось, её глаза перестали метаться и застыли, будто остекленев. Этот невидящий, обращённый в себя странный взгляд Быстров замечал у Карины и раньше, когда она пыталась решить какой-нибудь очень сложный вопрос. Через полминуты она очнулась: «Возможно, Николенька, ты и прав, но я любила и люблю свою бабушку, и мне приятно делать то, что ей бы понравилось».

С тех пор между ними, будто кошка пробежала. «Как? – недоумевал юный Быстров. – Как может такая умная, тонкая, такая образованная женщина допускать существование Бога, прекрасно понимая, что эта вера противоречит гигант-

скому пласту знаний, добытых естественными науками?» Страдая тяжёлой формой юношеского максимализма, он не мог простить Карине её неидеальность.

Они разошлись тихо, без ссор и сцен. Просто поняли, что разные.

Тот эпизод в Никольском соборе заставил Быстрова задуматься над повышенной религиозностью женщин. Если в старые времена всё можно было списать на ущербность женского образования, то в наши дни этот аргумент не проходит, а женщины по-прежнему составляют большинство посетителей церквей. Может быть, это связано с какими-то анатомическими особенностями женского мозга? – подумал он и тут же усомнился.

Проснулся Быстров с острым желанием встретиться с юной Ариной, так похожей на Карину из его молодости. Нашёл в интернете расписание лекций второго курса биофака и помчался в свою alma mater.

Арина выскочила в университетский коридор и легко зашагала вдоль бесконечного ряда старинных книжных шкафов, хранящих в потемневших фолиантах всю мудрость девятнадцатого века. Её сопровождал высокий стройный молодой человек. Быстров поспешил за ними. Арина, будто почувствовав его взгляд, обернулась.

– Николай Михайлович! Вы? С ума сойти! Как я рада вас видеть! Вы даже не представляете, сколько всего я передумала за вчерашний вечер. Знакомьтесь, это мой сокурсник Олег. «Олег, – улыбнулась она молодому человеку, – это Николай Михайлович, учёный из Академгородка».

Олег обладал довольно приятной, но стандартной, не запоминающейся внешностью: белокур, сероглаз, худощав, с тонкими чертами лица.

– Вы тоже будущий молекулярный биолог? – обратился Быстров к юноше.

– Нет, я учусь в группе биофизиков, но хожу на все лекции биохимиков, – ответил Олег. – Я уверен, без биохимии

и генетики биофизика мертва.

– Николай Михайлович, – зачастила Арина, будто боясь, что разговор пойдёт в нежелательном для неё направлении, – мы много слышали об Академгородке и даже рассматриваем перспективу получить там работу. Вы не могли бы рассказать нам о жизни в этом знаменитом научном центре.

Быстров уклонился от прямого ответа:

– Один мой болгарский знакомый, побывав у нас, сказал: «Раньше я думал, что лучшее место для занятия наукой – Кембридж в Англии, но теперь знаю, что есть на земле место не хуже – это Академгородок». Я прожил в Городке 46 лет. Там я женился, родил дочь и прошёл долгий путь от стажёра до завлаба. К своему удивлению, мне удалось сделать много больше, чем рассчитывал. И мне кажется... нет, я совершенно уверен, что причина тому Городок, его природа, атмосфера и люди. Правда, нынешний Академгородок потерял не меньше половины своих былых достоинств. Знаете, как когда-то пела сладкоголосая Анна Герман: «Один раз в год сады цветут».

Арина с Олегом затащили Быстрова в какое-то кафе во дворе университета, там и состоялась их короткая беседа. Оказалось, молодые люди одержимы грандиозными проектами. Олег хотел усилить умственные способности человека, вживляя в мозг какие-то хитрые микрочипы, а Арина мечтала добиться того же с помощью особых химических пре-

паратов. И Быстров с изумлением узнавал в мечтах девушки мечты его Карины.

– Олег, – не выдержал старший товарищ, – скажите, зачем вам тратить жизнь на изобретение железок, улучшающих память? У многих выдающихся учёных была слабая память, но это не помешало им сделать великие открытия. Жизнь у нас одна, берите выше.

Олег загадочно переглянулся с Ариной. Молодые люди явно сомневались, стоит ли им посвящать незнакомца в подробности своих планов. Чтобы разрядить неловкую паузу, Быстров воспользовался безотказным приёмом.

– Арина, от кого из родителей вы унаследовали свои весьма нестандартные глаза?

Она растерянно посмотрела на Олега, будто ища у него помощи.

– Ни у одного из её родителей нет таких глаз, – улыбнулся молодой человек. Подумав, добавил: – Даже цвет у них другой.

– Какого же цвета их глаза? – спросил Быстров.

– У её мамы глаза светло-голубые, у папы – серые. Зашибись! – вдруг дошло до Олега. – Это же противоречит элементарной генетике.

– А может быть, и не противоречит, – попытался Быстров сгладить неудобную заминку. – Может быть, у одного из родителей оказался какой-то доминантный ген-подавитель синтеза меланина в радужине.

– И вы полагаете, – весело хохотнул Олег, – что Арине тот ген не передался! Интересная гипотеза, но, боюсь, маловероятная.

Однако лицо Арины оставалось серьёзным. Быстров понял, что ненароком установил, что, по меньшей мере, один из родителей девушки ей не родной, и она это знает.

– Олег, а от кого унаследовал ты свои маленькие серенькие глазки? – в голосе девушки послышались нотки раздражения. – Ты ведь приехал издалека, кажется, из Норильска. Я не видела твоих родителей, и фоток их ты мне никогда не показывал.

Быстров всмотрелся в Олега, и ему показалось, что где-то видел это лицо. «Впрочем, – успокоил себя Быстров, – люди с таким обычным лицом всегда кого-то напоминают».

– Так ты и не интересовалась фотографиями моих родителей, – Олег заметно покраснел. – Правда, у меня с наследственностью тоже не всё просто. Дело в том, что мой отец – представитель народов Севера, он эвенк.

– А мать?! – вскричала Арина.

– А мать, – натянуто улыбнулся Олег, – чистая славянка, русоволосая и голубоглазая.

– Первый раз слышу, что твой отец эвенк. Глядя на тебя, этого не скажешь, – процедила Арина, окинув Олега недоверчивым взглядом. – Так твой отец чистый эвенк или метис с изрядной примесью русской крови?

– Выглядит, как эвенк, и родители его, выглядят, как эвен-

ки. А сколько у них русских генов, кто же знает? – Олег озабоченно взглянул на часы: – Извините, Николай Михайлович, но нам пора на занятия. Извините, ради бога.

– Занятия – дело святое, – согласился Быстров, – но позвольте сфотографировать вас на память.

– Ладно, щёлкайте, – Арина встала рядом с Олегом.

Быстров вынул из портфеля камеру и сделал пару снимков.

– Знаете, Николай Михайлович, – Арина бросила на старшего товарища тревожный взгляд, – меня не покидает чувство, что мы с вами о чём-то не договорили. Давайте обменяемся номерами наших мобильных.

Простившись с молодыми людьми, Быстров вышел на Университетскую набережную и побрёл пешком к своей гостинице. Он смотрел на почищенные дома, на яркие рекламы, на красиво одетых бодрых людей и сквозь пелену ностальгии видел тот, ЕГО Ленинград: унылые серо-жёлтые дома, промозглый воздух и толпы людей, одетых в серое и куда-то спешащих с бледными озабоченными лицами. Петербург был краше, но Ленинград – роднее.

Добравшись до своего номера, Быстров повалился на заправленную койку и стал перебирать в памяти события первой половины дня. Вскоре мысли его коснулись Олега: «Симпатичный юноша, и он из Норильска. А ведь и я бывал

в тех краях».

И тут перед глазами Быстрова распахнулась величественная картина озера, окаймлённого крутыми чёрными берегами, и душа его настроилась на полумистический лад, будто коснулась чего-то беспредельного и непостижимого. Да, странная была та история.

5

В один из жарких дней конца июня 1990-го в лабораторию Быстрова позвонила секретарша директора и сухим официальным тоном доложила, что Владимир Иванович его ждёт. Пришлось всё бросать и повиноваться.

Быстров шёл на ковёр, пытаясь догадаться, за что ему влетит, однако директор встретил его вполне радушно. Посадил за необъятный сверкающий стол, попросил секретаршу подать чаю и приступил к беседе.

– Ну что, Николай Михайлович, – заговорил он отеческим тоном, – порадовали вы меня своим докладом в прошлый четверг. Не скрою, я думал о вас всю пятницу и все выходные и, знаете, пришёл к выводу, что мне следует поощрить ваше направление.

Естественно, подчинённый весь ушёл во внимание.

– Николай Михайлович, – продолжил директор, – меня немало заинтересовал упомянутый вами феномен стремительной деградации органов зрения у рыб, попавших по воле случая в подземные водоёмы.

– И меня волнует это явление, особенно его скорость. Жаль, что в Советском Союзе нет подходящих пещер.

– Нет, говорите, – многозначительно хмыкнул директор. – А я, представьте, знаю целую систему наших совершенно не исследованных подземных пещер с озёрами.

– Так скажите, где они?

Владимир Иванович покрутил губами.

– Они есть, но не вполне для нас.

– Вы намекаете, что они находятся в запретной зоне?

– Николай Михайлович, вы можете держать язык за зубами? – наигранно сурово спросил директор.

– Надеюсь, да, но не уверен, что выдержу пытки.

– А без пыток? – в светлых глазах директора блеснул весёлый огонёк.

– Без пыток никто не заставит меня выдать вашу тайну.

На секунду Владимир Иванович почувствовал, что между ним и подчинённым пропала социальная пропасть, он захотел и дружески хлопнул Быстрова по плечу.

– Хорошо, я попробую добыть для вас пропуск в одну такую пещеру.

Через три дня разговор с директором был продолжен.

– Николай Михайлович, – в голосе директора Быстров уловил нотки гордости собою, – мне удалось получить для вас пропуск на один объект, не отмеченный на обычных географических картах. Так что можете ехать. Снова напоминаю: никто не должен знать, куда именно вы направляетесь.

– Так, всё-таки скажите, где же находится тот таинственный объект?

Владимир Иванович выдержал театральную паузу.

– Он расположен, наверное, в самом интересном и самом

неизученном районе на карте Союза да, пожалуй, и всего нашего шарика земного... Ваш объект скрывается от глаз людских где-то в глубинах плато Путорана.

– Боже, но это же Крайний Север, чуть ли не Таймыр, там все озёра, наверное, до дна промерзают.

– Так вот, дорогой Николай Михайлович, в базальных толщах путоранских гор есть пещеры с незамерзающими озёрами возраста Байкала, а то и старше. Вы же знаете, как богат и своеобразен животный мир Байкала, думаю, нечто подобное вы найдёте и в подземных озёрах Путораны.

В аэропорт Норильска Быстров прилетел первого июля в два часа ночи по местному времени, но солнце уже давно скользило по небосклону, затянутому полупрозрачной завесой мглы. В зале прилёта его встретил высокий пожилой мужчина с внешностью профессора, который назвался Петром Андреевичем. «Прошу проследовать к нашим саням», – давась от смеха, пробасил он и повёл гостя к выходу из аэропорта.

На унылой привокзальной площади гулял неприятный пронизывающий ветер, обдавая лицо холодной водяной пылью. «Не отставайте, Николай Михайлович! Наша цель близка!» – снова проявил Пётр Андреевич свой весёлый нрав и поднял капюшон брезентового балахона цвета хаки.

«Сани» оказались мощным вездеходом. В его салоне было тепло и просторно. Сидения располагались вдоль стенок,

кабина водителя была отделена звуконепроницаемой перегородкой из прозрачного пластика. Гость и встречающий сели напротив друг друга, и вездеход помчался по бетонному шоссе.

– Николай Михайлович, – начал разговор Пётр Андреевич, – я понимаю, для вас тут всё в новинку. От аэропорта до города около полусотни вёрст, но цель нашего вояжа лежит много дальше – на плато Путорана. К сожалению, приличных дорог туда нет, поэтому наш путь от Норильска до места назначения пройдёт по воде. Готовьтесь к долгому путешествию, только к вечеру мы достигнем нашей экспериментальной базы. Чтобы легче пережить это унылое время, насладимся приятной пищей и не менее приятным питием. Надеюсь, вы принимаете нашу национальную?

– Увы, да, – ответил с улыбкой Быстров.

– Ну тогда мы с вами, как говорится, столкнемся.

С этими словами Пётр Андреевич выволок из-под сидения вещевой мешок и извлёк из него: бутылку водки, два гранёных стакана и термос с холодной закуской. Они выпили за встречу, и Быстров впервые в жизни отведал строганины. Тончайшие пластинки замороженной нельмы буквально таяли во рту, оставляя ощущение чего-то бесконечно нежного и божественно-вкусного. «Бедные олимпийские боги! – мелькнуло в голове Быстрова. – Они не имели понятия о строганине».

– Николай Михайлович, возможно, вы уже в курсе, что...

– Пётр Андреевич бросил на Быстрова лукавый взгляд, – что моя лаборатория занимается, в некотором роде, проблемами адаптации живых организмов к низким и сверхнизким температурам. Но прежде чем перейти к деталям, пожалуйста, покажите-ка ваши документы.

Быстров молча протянул паспорт и командировочное удостоверение. Пётр Андреевич внимательно всё рассмотрел и неожиданно спросил:

– Однако вы всё-таки поведайте мне ха-ха по-дружески, как зовут вид слепых рыбок, что водятся в подземных водоёмах Мексики?

– Астианакс мексиканус, – машинально ответил Быстров.

– Отлично, Николай Михайлович! А теперь поведайте мне, когда и где случилась массовое пермское вымирание?

Пётр Андреевич был уверен, что гость не сможет ответить на такой сложный вопрос. Но Быстров, готовясь к командировке, прочёл о плато Путорана всё, что нашёл в институтской библиотеке.

– Та катастрофа, – с непроницаемым лицом заговорил Быстров, – случилась примерно четверть миллиарда лет назад, и началась она как раз там, где сейчас вздымается плато Путорана.

– Ну что ж, Николай Михайлович, – Пётр Андреевич выразительно вздохнул, – мой экзамен вы, как говорится, выдержали, но не задавайтесь. В пещере вам придётся пройти ещё одну проверку и не только на знания, но и на вашу мо-

лекулярную госпригодность. Видите ли, мы, как и древние римляне, полагаем, что здоровый дух может ютиться лишь в абсолютно здоровом теле. И не исключаем, что люди с физическими и молекулярными дефектами в определённых обстоятельствах могут, знаете ли, ни много ни мало, а покуситься на самое святое, – не видя понимания в глазах собутельника, Пётр Андреевич прогудел с трагической дрожью в голосе: – Они, в некотором роде, могут и самоё Родину нашу за медный пятак буржуйам продать.

Быстров едва удержался, чтобы не расхохотаться.

– Интересное соображение, никогда не задумывался о скрытом смысле этой древней поговорки.

– Ну что ж, тогда отставим шутки в сторону и продолжим наш пир! – снова затрындел гостеприимный Пётр Андреевич, похоже, напрочь позабыв про обещание подивить гостя чудесами подземных озёр Путораны. – Ну так что, Коля? Как ты насчёт выпить за Таймыр?

– Почему нет? – натянуто улыбнулся Быстров.

Потом они выпили за Норильск, за плато Путорана и за нетронутую тундру. Быстров уже стал беспокоиться о своей способности соображать, как тут вездеход остановился. «А вот и наша станция Березай, Коля, вылезай! – хохотнул Пётр Андреевич. – Выходимте на причал Норильского речпорта».

Низкое солнце угадывалось над трубами какого-то завода или шахты. По-прежнему моросил мелкий холодный дождь,

и по-прежнему дул пренеприятнейший ветер. Вдоль длинного причала стояло несколько небольших катеров. Пётр Андреевич бодро подвёл гостя к новенькому скоростному судну на воздушной подушке. Парень в военно-морском кителе спрыгнул на причал: «Ну, слава богу, прибыли! Теперь в путь. Если не задует встречный, через шесть часов будем на месте. Пока, слава богу, тихо».

Они заняли соседние места в пустом салоне, и катер помчался вверх по довольно широкой и многоводной реке, которую Пётр Андреевич назвал Норилкой. Через час русло реки сузилось, и вскоре катер вошёл в большое озеро. «Это озеро называется «Лама», – доверительно поведал Пётр Андреевич, – что по-эвенкийски, представьте себе, означает ни много ни мало, а «море». Ха-ха!»

Быстров с жадностью первооткрывателя всматривался в низкие практически безлесные берега, поросшие редким чахлым кустарником. Лишь на востоке синели контуры гор. Катер включил высокую скорость, приподнялся на подводные крылья и полетел. Чем дальше они продвигались на восток, тем ближе подходили горы, и наконец крутые склоны высоких мрачных сопок обступили озеро. Распогодилось, судно летело, едва касаясь воды, и мысли Быстрова настроились на оптимистическую волну. Через пять часов катер, резко сбавив скорость, шлёпнулся на брюхо и осторожно вошёл в узкий и длинный залив («Форменный норвежский фьорд!» – мелькнуло в романтической душе ещё не старого

Быстрова) и причалил к бетонному пирсу, припаянному к чёрной базальтовой скале.

Первое, что увидел Николай Михайлович, сойдя с катера, был фанерный щит с жирной красной надписью «Запретная зона». По едва заметной тропинке они вошли в узкое ущелье. Затем свернули вправо, обходя горный отрог, и оказались у полукруглого отверстия в чёрном почти отвесном каменном склоне. Рядом со входом в пещеру стояла застеклённая будка.

Из будки вышел лейтенант внутренних войск. Он дружелюбно поздоровался с Петром Андреевичем и после тщательного изучения документов гостя улыбнулся, козырнул и вернулся в будку. Пётр Андреевич включил электрический фонарик, взял Быстрова за руку и повёл его по тёмной пещере. Примерно через двадцать метров они упёрлись в шероховатую стену, дальше идти было некуда. Пётр Андреевич надавил на какую-то кнопку в стене, и над ними вспыхнула люминесцентная лампа, которая осветила белую бетонную стену и ярко-зелёную дверь с табличкой «Научхоз-21». «Ну, а дальше, Коля, потопаешь один», – радостно, едва сдерживая смех, объявил Пётр Андреевич и распрощался с гостем.

Быстров с любопытством отворил таинственную зелёную дверь и оказался в небольшом ярко освещённом помещении, где за простеньким письменным столом сидел интеллигентного вида мужчина лет сорока в ослепительно белом халате.

Он был тщательно выбрит, коротко подстрижен и по-военному подтянут. Его живые ярко-голубые глаза немного диссонировали с малоподвижной мимикой. «Не иначе как кэгэбэшник», – решил Быстров, знавший о кэгэбэшниках лишь понаслышке. Кэгэбэшник пригласил гостя присесть и обрушил на него лавину вопросов, касавшихся подробностей его жизни: кто родители? кто жена? есть ли дети? есть ли родственники за границей? где учился?.. И вдруг совершенно неожиданный вопрос: знаком ли с Кариной Титаровской? Быстров ностальгически заулыбался и признался, что в университете дружил с нею. Кэгэбэшник дал ему пачку фотографий женщин, среди которых гость должен был указать на Карину. Он опознал её без труда, отметив про себя, что фотография свежая, недавняя, где Карине уже крепко за сорок. «Вы не ошиблись, товарищ Быстров, это Карина Титаровская, – сказал кэгэбэшник и задумчиво добавил: – Красивая, здоровая и талантливая женщина... и, к сожалению, бездетная. Непорядок. На прошлой неделе она приезжала к нам и в тот же день укатила назад в свой Питер».

Затем кэгэбэшник поздравил Быстрова с прохождением первого этапа допуска к работе в пещере и тут же постарался испортить ему настроение:

– Теперь мы можем перейти к самому важному пункту – к проверке вашего здоровья, насколько оно позволяет вам влиться в ряды нашего коллектива.

– Что вы имеете в виду? – спросил Быстров не без раздра-

жения.

– А разве вы не знаете, что практически каждый из нас является носителем всевозможных вирусов, бактерий, грибов и прочих патогенных гадостей. Моя задача, дорогой Николай Михайлович, – защитить коллектив нашего научхоза от неожиданных инфекций. Ведь мы живём здесь годами в полном отрыве от Большой земли.

– Господи, сколько же ещё проверок меня ждёт?

– Да, не волнуйтесь, вы, товарищ Быстров, – кэгэбэшник наградил гостя располагающей улыбкой. – Или вы всё-таки что-то от нас скрываете?

Этот этап допуска занял неожиданно мало времени – чуть более получаса. Приятный паренёк в белом халате взял довольно много крови из вены и почему-то маленький кусочек кожи со спины. Затем Быстрову было предложено подождать минут 30-40 до получения результатов анализа. Он сел в мягкое кресло и вскоре задремал – сказалось утомление от событий бесконечного дня. Очнулся от лёгкого постукивания по плечу. На него смотрел добродушно улыбающийся кэгэбэшник.

– Дорогой Николай Михайлович, мы завершили анализ ваших образцов. В целом вы на удивление здоровый человек, но один суший пусячок – дремлющий вирус герпеса – вызвал у нас беспокойство. Поэтому при всём уважении к вашим заслугам вы должны – увы! – нас покинуть. Катер ждёт

вас. Прощайте, Николай Михайлович, было приятно познакомиться. – Увидев на лице гостя выражение возмущённого недоумения, кэгэбэшник проникся участием: – Николай Михайлович, ради бога, не переживайте. Вы даже не представляете, как вам на самом-то деле повезло!

– Извините, – сбивчиво заговорил вконец обескураженный Быстров, – я просто не знаю, как реагировать на ваш отказ. Жаль, что вас напугал мой, вероятно, очень крепко спящий вирус герпеса. Мне так хотелось ознакомиться с фауной ваших пещерных озёр. Странно получается, ведь я такой длинный путь одолел... Ну что тут поделаешь? Похоже, придётся прощаться. До свиданья. Извините, не знаю, как к вам обращаться, – Быстров, вымучено улыбнувшись, протянул кэгэбэшнику руку.

– До свиданья, Николай Михайлович! – кэгэбэшник с готовностью пожал руку гостя. – Искренне желаю вам успеха. А зовут меня Фёдором.

– А по батюшке?

– Товарищ Быстров, не злоупотребляйте нашим гостеприимством! – улыбка слетела с бледного лица Фёдора. – Не забывайте, вы на секретном объекте.

«Интересный тип, – подумал Быстров, – да и кэгэбэшник ли он?»

Через пару дней после возвращения в Городок Быстров встретил в институтском коридоре директора, который, уви-

дев его, ахнул от удивления.

– Николай Михайлович, почему вы здесь, а не на Севере диком, где, как известно, «стоит одиноко на горной вершине сосна...» и так далее по Лермонтову?

– Увы, не прошёл по здоровью.

– Чем же вы им не угодили?

– Дремлющий вирус герпеса.

Владимир Иванович вскинул косматые брови.

– Так ведь этот вирус практически в каждом из нас дремлет. Диковинная причина отказа. Просили прислать кого-нибудь из перспективных сотрудников, вот я и выбрал вас. Чёрт знает, что у них в головах!

На этой точке поток воспоминаний Быстрова оборвался, и снова его реальностью стал гостиничный номер в Петербурге начала сентября 2010-го года.

6

Утром позвонила Арина.

– Николай Михайлович, я хотела бы с вами встретиться.

– Ради бога, Ариночка. Назначайте время и место.

– Как вам пять вечера у входа в Русский музей?

– Подходит.

Быстров прибыл к месту встречи без пяти пять. Арина уже ждала его. Они прошли в Михайловский сад и сели на незанятую скамейку.

Шелестела листва старых лип и дубов, сверкало зеркало живописного пруда. И снова Быстров перенёсся в своё прошлое: те же деревья, тот же пруд и точь-в-точь та же девушка рядом с ним.

Начала разговор Арина:

– Пожалуйста, расскажите мне побольше про ту вашу сокурсницу, столь якобы похожую на меня.

– Карина была замечательная девушка, – мечтательно ответил Быстров.

– Почему «была»?

– Потому что умерла лет десять тому назад. Рак лёгких. Слишком много курила. Надеюсь, вы не курите?

– Бог миловал.

– Значит, чем-то вы от Карины Титаровской всё-таки от-

личаетесь.

– Николай Михайлович, – лицо девушки напряглось, – вчера, говоря о своих родителях, я не решилась в присутствии Олега кое в чём признаться... Вы угадали, я приёмная дочь. Меня взяли из дома малютки.

– Как вы это узнали?

– Случайно. Лет семь назад, роясь в старых вещах, невесть когда заброшенных на антресоли, я наткнулась на чемоданчик с документами. Среди них было и свидетельство моего удочерения.

– Там был указан адрес учреждения, выдавшего документ?

– Да. Свидетельство было оформлено в каком-то сибирском городке с незнакомым названием. Честно сказать, я и позабыла это название, помню только, что оно начиналось с буквы «Т».

– Тюмень, Тобольск, Томск, Тайшет, Тында...?

– Нет-нет, я тогда искала тот город по именному указателю в атласе-нете СССР. Он оказался где-то на Севере Сибири.

– Может быть, Тикси?

– Нет-нет... Точно не Тикси, – Арина немного помолчала и наконец, собравшись с мыслями, продолжила: – Поначалу у меня было желание найти своих биологических родителей, но потом я подумала, зачем искать людей, которые отказались от своего здорового ребёнка? Наверное, какие-ни-

будь алкаши или бомжи, – слёзы наполнили прекрасные глаза Арины, живо напомнив Николаю Михайловичу картину его расставания с Кариной.

– Да, конечно, зачем вам их искать? Вы уже выросли, и, сдаётся мне, вас воспитали прекрасные люди.

– Николай Михайлович, позвольте мне скопировать фотографию той Карины из вашего ноутбука. Она, понятное дело, не может быть моей матерью, но всё-таки меня почему-то волнует наше заметное сходство.

– Да никаких проблем. Ведь для этого даже интернет не нужен. Здесь под сенью старого дуба и копируем. Давайте вашу флэшку. К сожалению, Карина не может быть вашей матерью по одной простой причине – у неё не было детей. К тому же, двадцать лет назад ей было уже под пятьдесят, что, как вы понимаете, поздновато для заведения потомства. И, наконец, вот вам мой главный аргумент: такое потрясающее сходство между Кариной и вами возможно лишь при непорочном зачатии. Но девственное размножение (парте-ногенез) у людей не отмечено. Скажите на милость, куда подевались гены отца?

– Неужели после окончания университета вы никогда-никогда, даже мельком единым не видели ту вашу Карину? – спросила Арина.

– Увы, никогда... Хотя... – Быстров мечтательно улыбнулся, – летом 1990-го мы с нею едва не пересеклись. Представляете, мы оба побывали в одном и том же месте под

Норильском, но не встретились, разминулись на несколько дней. Я был там первого июля, она – чуть раньше.

Эти слова Быстрова породили в душе Арины смутное волнение: «С ума сойти! А ведь моё зачатие падает на июнь-июль 90-го».

Перед копированием Арина ещё раз внимательно разглядела групповую фотографию с Кариной Титаровской.

– Кстати, Николай Михайлович, – не могла бы я взглянуть, хоть глазком одним, на ваши фотографии тех лет?

Он уже хотел было сказать: «Да ради бога!», как вдруг ему показалось, что знает, кого напомнил ему Олег.

– Извините, Арина, свои фотографии я храню дома в отдельном накопителе, – солгал Быстров.

Повисла тягостная неудобная пауза, говорить, казалось, было уже не о чем, но Арине не хотелось кончать беседу с интересным много повидавшим человеком.

– Мы с Олегом, чего уж там, хотим в будущем работать вместе. Я считаю его очень способным человеком. Как он Вам?

– Олег производит впечатление умного и приятного юноши. А кстати, какая у него фамилия.

– Его фамилия Кузнецов. Вы знаете, у нас с ним много общего. У нас почти одни и те же убеждения и интересы, – девушка лукаво улыбнулась. – Представьте, у нас даже дни рождения практически совпадают. Я родилась третьего ап-

реля, а он – пятого.

– Говорят, это добрый знак, Арина. Кстати, я не исключаю, что вас связывает с Олегом кое-что ещё. Мне кажется, ваш Олег тоже приёмный ребёнок.

– С ума сойти! С чего вы это взяли? – громко возмутилась Арина. – Объясните!

– Извольте. У эвенков полно доминантных признаков, взять хотя бы их чёрные жёсткие волосы, тёмно-карие глаза, широкое лицо и наконец, знаменитый эпикантус монголоидов. Но ваш Олег – сероглазый блондин с волнистыми русыми волосами, с узким лицом и с европейским разрезом глаз! Не знаю, кем была его мать, но отец его уж точно не был эвенком.

Как только Арина ушла, Быстров извлёк из ноутбука свои фотографии студенческих времён и не без удовольствия отметил, что в те годы – без очков, без морщин, без мешков под глазами и тем более без лысины – он выглядел очень даже неплохо. Потом внимательно разглядел снятую накануне фотографию Олега с Ариной. Смутная догадка Быстрова подтвердилась: его юное лицо, фактически, совпало с лицом Олега! Правда, Олег был чуть выше ростом и лучше развит физически. «Вот она игра случая! – подумал Быстров. – Ведь даже моё отцовство не могло бы объяснить столь разительное сходство, ибо не может сын быть точной копией отца».

Николай Михайлович попробовал порассуждать:

– Олег Кузнецов родился в Норильске в апреле 91-го, и, следовательно, зачат был летом 90-го. Забавно, что и я побывал возле Норильска летом 90-го. Ещё забавнее, что моя Карина тоже заезжала в тот же научхоз, фактически, в одно время со мной. Интересно, есть ли городок на «Т» в окрестностях Норильска? Слава богу, в наше благословенное время, когда все мы впутаны во всемирную паутину, главное – задать вопрос.

Быстров зашёл в кафе с интернетом, и поисковая система «Яндекс» любезно предоставила ему карту Таймыра. И точно! Рядышком с Норильском находился маленький городок на букву «Т» – Талнах!

Быстров тут же позвонил Арине.

– Ариночка, ваш сибирский городок, случаем, не назывался ли «Талнахом»?

Короткая пауза и взволнованный отклик:

– Да! Я вспомнила: совершенно точно, это был Талнах! Боже! Вы снова угадали!

– Ну и прекрасно, – Быстров приложил усилия, чтобы его голос не выдал волнение.

– Из этого что-то следует?

– Да ничего. Мне просто было интересно, что это за город, где могла появиться на свет точная копия моей Карины.

Она рассмеялась и повесила трубку.

Итак, Быстров узнал, что в районе Норильска примерно

в одно время появились на свет два младенца – девочка и мальчик. Из девочки выросла Арина, как две капли воды похожая на молодую Карину, а из мальчика – Олег, чрезвычайно похожий на него самого в молодости. Примерно за девять месяцев до рождения этих таинственных младенцев и он и Арина заезжали на короткое время в Научхоз-21, где у них взяли кровь и образцы кожи. «О, Господи! Да они нас просто расклонировали!» – прогремело в голове Николая Михайловича, и изумление, смешанное со сладким чувством обретения истины, наполнило его душу.

Как ни удивительно, но приходилось принять, что советские учёные первыми в мире сумели разработать весьма сложную процедуру получения клонов, то есть генетических копий людей. По-видимому, от суррогатной матери брали яйцеклетку, а её собственное ядро заменяли на клеточное ядро, извлечённое из тканей «гостя» Научхоза. Выношенные младенцы поступали в норильские детские дома и распределялись по бездетным семьям.

«Почему же они выбрали для клонирования Карину и меня? – спросил себя Быстров и нашёл правдоподобный ответ: – Макаров упомянул, что Карина вроде бы совершила какой-то прорыв в понимании механизма сна. Да и я был в своём институте на неплохом счету. По-видимому, перед высокопоставленными кураторами Научхоза-21 была поставлена задача – получить клонов от мало известных, но перспективных учёных. Неужели партийная верхушка Союза

рассчитывала с помощью талантливых клонов догнать и перегнать дряхлеющий Запад? А что? Задумка, надо сказать, хитроумная, правда, гражданские права гостей Научхоза были бесцеремонно попорчены».

Быстров, привыкший критично относиться к любым гипотезам (и чужим и своим), снова и снова пытался опровергнуть свой вывод о клоновой природе Олега и Арины и не мог.

Больше месяца Быстров терзался мыслью, что в Петербурге живут, ни о чём не догадываясь, два человеческих клона: копия Карины и копия его самого. Наконец он набрался мужества и рассказал жене о своих встречах с двойниками. Но Наташа сочла его выводы игрой пылкого воображения. Дескать, с нею не раз случалось встретить на улице человека, которого она принимала за старого знакомого, но когда заговаривала с ним, оказывалось, что обозналась. «Видишь, – убеждала Быстрова его трезво мыслящая жена, – в русском языке для этого случая даже припасён специальный глагол «обознаться». Наташа слышала, что на мавзолее во время знаменитого парада в ноябре 41-го стоял вовсе не Сталин, а его двойник. И, дескать, чтобы говорить об абсолютном сходстве двух людей, нужно провести тщательные измерения. Тогда как для ощущения сходства реального человека с образом, сохранённым памятью, достаточно совпадения всего нескольких характерных черт. Иначе было бы невозможно составлять фотороботы преступников. А предположение

Быстрова, что встреченные им двойники – клоны, она назвала просто смехотворным. Она из личного опыта знала, как сложна работа с клеточными культурами, и насколько успех в ней зависит от состава питательных растворов и чистоты дорогущих и малодоступных импортных реактивов. Иными словами, по мнению Наташи, уровень советских исследований в области клонирования был слишком низким, чтобы добиться таких немислимо высоких результатов да и ещё в каких-то диковинных заполярных пещерах.

После отъезда Быстрова Арина довольно часто, особенно в момент засыпания, возвращалась мыслями к странному человеку из Академгородка, якобы хорошо знавшему её двойника в далёких шестидесятых. И вот однажды, уже в ноябре, она подумала, почему бы не проверить информацию Быстрова. Самое простое – поговорить с однокурсниками Титаровской, но как их найти? Арина внимательно рассмотрела групповую фотографию студентов из быстровского ноутбука, и снова обратила внимание на высокого смеющегося юношу с волевым подбородком. Вспомнила, что Быстров назвал его Димкой Макаровым. «Боже! – изумилась Арина. – А ведь на кафедре биохимии есть доцент подходящего возраста – Дмитрий Петрович Макаров. Он довольно высок, да и нижняя челюсть его отнюдь не легковесна. Быстров назвал его одним из первых интеллектуалов их курса, так что Димку (как подающего надежды) вполне могли оставить при кафедре. Ужас ужасный! что творит с нами время! Всего за полвека оно сумело превратить красивого весёлого юношу в мрачного и всем недовольного старикана».

Арина стала намеренно заговаривать с Дмитрием Петровичем на практических занятиях и на семинарах. Она хотела, чтобы этот немногословный замкнутый человек обратил

бы на неё внимание, выделил бы из остальных студенток. И наконец это случилось. Макаров подошёл к ней во время перерыва и, явно волнуясь, промямлил:

– Арина э-э-э... Сергеевна (готовясь к разговору, он специально выяснил отчество девушки), простите, что беспокою вас, но мне хотелось бы задать вам один вопрос, не имеющий прямого отношения к биохимии, – он замолчал, ожидая реакции.

– Да спрашивайте, ради бога, – прыснула Арина.

– Этот вопрос... может показаться вам странным, неуместным и даже нелепым, – Макаров глубоко вздохнул и наконец решился: – Арина Сергеевна, не являетесь ли вы родственницей Карины Титаровской – милейшей девушки, которая в начале шестидесятых училась со мной в одной учебной группе. Дело в том, что вы чрезвычайно на неё похожи.

– Увы и ах, Дмитрий Петрович, но к той Карине я не имею никакого отношения, хотя уже слышала о своём сходстве с нею.

– От кого вы это слышали? – на удивление быстро отреагировал пожилой доцент.

– От Николая Михайловича Быстрова. Я недавно с ним случайно познакомилась. Оказывается, он в шестидесятых, кончал нашу кафедру.

– Это был Колька Быстряк! – фыркнул Макаров. – Я тоже недавно... точнее, в сентябре месяце, видел его. Он за-

чем-то приезжал в Питер... э-э-э... Я, видите ли, учился в одной группе с ним, и там же училась Карина Титаровская, – в сухом, даже тоскливом голосе Макарова мелькнули нежные тона. – Это была очень способная, можно даже сказать, талантливая девушка. Она, вроде бы, даже что-то открыла, или была на пороге открытия... Однако, к сожалению, Титаровская умерла в конце девяностых.

– Вот как, – вздохнула Арина, – но, может быть, у вас сохранились какие-нибудь фотографии времён вашего студенчества. Не скрою, я бы не отказалась взглянуть на ту знаменитую Карину, копией которой я будто бы являюсь.

Макаров внимательно посмотрел на Арину, и мечтательная улыбка искривила его тонкие будто усохшие губы. Эта улыбка довольно странно смотрелась на жёлто-сером пергаментном лице сурового доцента. «Вот каков он на самом деле, – подумала Арина, – а эта строгость и чёрствость – лишь маска, за которой он прячет свой слабый характер, свою неуверенность в себе». На лице девушки тоже появилась мягкая улыбка и, возможно, тронутый ею угрюмый доцент неожиданно живо заговорил:

– Хорошо, приезжайте ко мне сегодня в семь вечера, я подготовлю для вас фотоматериалы. Знаете ли, после окончания конторы (так мы когда-то называли наш университет) я решил начать новую жизнь. И чтобы покончить с безалаберной студенческой эпохой, я собрал все фотографии тех времён в отдельную папёшку и забросил её в дальний ящик

моего старого комода.

– И вас никогда не тянуло заглянуть в ту папку? – удивилась Арина.

– В молодости я был самоуверен и жил мечтами о будущем, а с прошлым расставался легко, без сожаления и даже с удовольствием, вернее сказать, со злорадством... знаете, в соответствии со старинной поговоркой: с глаз долой – из сердца вон. Хотя сейчас, спустя без малого 50 лет мне, пожалуй, было бы любопытно взглянуть на себя и на своих так называемых друзей, живших, как и я, как и все мы в те годы, в плену пустых мечтаний и нелепых иллюзий. Знаете, тогда я ещё верил в прогресс – в самую истасканную химеру последней пары столетий. Я искренне верил, что научно-технический прогресс незаметно, без всякой политической шелухи, перенесёт нас в нечто подобное коммунизму, – Макаров мотнул головой, будто вытряхивая из неё мир своих воспоминаний. – Последние шестьдесят девять лет я обитаю на Петроградской стороне, в конце Кронверкской, недалеко от Матвеевского сада. После занятий я предоставлю вам точный адрес.

– Спасибо, Дмитрий Петрович, приду всенепременно, – обрадовалась Арина.

Дом, где жил доцент Макаров, был серым, мрачным и старым. По тёмной лестнице с высокими ступенями, отшлифованными бесчисленными подошвами, Арина добралась до

верхнего, шестого, этажа, перевела дух и нажала на кнопку звонка. Открыл ей сам Дмитрий Петрович. На нём был старый многократно штопанный свитер с какими-то пошлыми оленями и безобразно старые, вконец вылинявшие хлопчатобумажные треники. «Добро пожаловать в мои хоромы! – учтиво изогнулся Макаров, тускло сверкнув жёлтым оскалом. – Прошу не отставать. Лампочка в коридоре не работает, сосед ждёт, когда я куплю новую, однако на сей раз не дожждётся», – пробрюзжал хозяин и провёл Арину в комнатку, совмещавшую роль гостиной и спальни. На облупленном круглом столе лежала уже подготовленная картонная папка, на её обложке было каллиграфически выведено: «Фото 1959-1964».

Усадив девушку за стол, Дмитрий Петрович промямлил: – Арина Сергеевна, мне кажется, с дороги вам стоит испить чашечку горячего кофе. Я, видите ли, пристрастился к растворимому варианту этого далеко не безвредного напитка. Сейчас, слава богу, появился кофе без кофеина, и я могу себе позволить принять за завтраком иной раз даже две чашечки этой приятной гадости, не особенно опасаясь за здоровье. И что немаловажно, – хозяин едва заметно улыбнулся, – растворимый кофе очень просто готовить, —старенький доцент снова улыбнулся, да так широко, что Арина отметила нехватку пары коренных на правой стороне его верхней челюсти.

– И всё-таки давайте отложим кофе на потом, – мягко воз-

разила девушка. – Мне страсть как хочется взглянуть на фотографии, – Макаров молчал и с печальной улыбкой смотрел на гостью, но видел он Карину Титаровскую и далёкое время своей молодости. Арина попыталась чем-то заполнить неловкую паузу:

– Вы живёте одни? – она, по-хозяйски окинула взглядом уютное помещение.

– Да, знаете ли, совершенно один. Жена умерла, а дочь вышла замуж за шведа, недобитого под Полтавой, и укатила в его вшивую Уппсалу. Сказать откровенно, я и не жалею, что остался один. Я и комнаты их запер, и никогда в них не захожу. А в этом пространстве, – Макаров обвёл жестом свою берлогу, – я, знаете ли, живу привольно... без внешних раздражителей. Моя жена, по мнению посторонних, была прекрасным человеком, однако при всём своём якобы ангельском характере она не могла отвыкнуть пилить меня по поводу и без оногo. Впрочем, всё это вам неинтересно, давайте перейдём к моему фотоархиву. Подумать только, я целых полвека в него не заглядывал. Сейчас модно всё оцифровывать, но кому, скажите на милость, нужен этот хлам? Нет у меня умиления по тем пяти годам, которые, извините за выражение, прожил дурак-дураком со слепой верой во всемогущество науки. Слава богу, хотя бы в коммунизм не верил.

Арина не стала перечить, её интересовал фотоархив. Макаров снова глубокомысленно помолчал и наконец высыпал из папки ворох фотографий.

Она сразу увидела уже известный ей групповой снимок с Кариной.

– А вот и ваш знакомый, – ухмыльнулся хозяин, положив перед Ариной крупную фотографию светловолосого молодого человека.

– С ума сойти! Олег! – выскочило из уст Арины. – Как попала к вам эта фотка?

– Да она, знаете ли, покоится здесь уже без малого пятьдесят годков. Видите, как пожелтела. И никакой это не Олег, а ваш знакомый и мой, пожалуй, самый способный сокурсник Колька Быстряк, то бишь всеми уважаемый Николай Быстров (отчество, простите, запамятовал). Он работает в Академгородке. Краем уха слышал, что даже процветает. Конечно, сейчас – с лысиной, морщинами и в очках – он мало похож на самого себя в молодости.

– Да-да, конечно же, это не Олег, – согласилась Арина. – Просто молодой человек на этой фотографии сильно смаивает на одного моего сокурсника.

– Ну, а теперь взгляните на нашу Карину, – Макаров вытащил из груды снимков крупную фотографию Титаровской. – Видите, как вы на неё похожи. Даже имя её созвучно вашему. Странно, что вы не имеете к ней никакого отношения. Впрочем, откуда? Ведь, насколько мне известно, у неё не было и, как говорили её подруги, и не могло быть детей. Хотя... – Макаров стукнул себя по лбу, – я не исключаю, что вы её натуральная реинкарнация. Но почему Провидение выбра-

ло именно Карину? Воистину неисповедимы пути Господни. Видимо, не зря в последнее время я всё чаще думаю о мистических перевоплощениях. И вообще, я убеждён, что информация о наших обликах не исчезает. Учтите, милая девушка! – Макаров сделал значительное лицо. – Полный объём информации мира остаётся неизменным со дня Великого Творения... Вот теперь и вы знаете, как звучит выведенный мною главный закон сохранения.

– Дмитрий Петрович, я, к сожалению, атеистка и не верю в мистические трансформации и в переселения душ. Да, признаться, и в самоеё душу не больно-то верю. Видимо, перед нами элементарный пример игры случая. Просто в моём геноме ещё раз сошлись несколько генов, определявших основные черты внешности Карины Титаровской. Вероятность такого события невелика, но всё-таки она должна быть заметно выше нуля.

– Ну, знаете ли! – вспыхнул Дмитрий Петрович. – Хотите верить в эту материалистическую чепуху, так и верьте на здоровье, ваше право, – хозяин криво усмехнулся. – У каждого человека, даже у талантливого, есть право на заблуждения. Однако, милая барышня, подумайте сами, как могло случиться чудо совпадения облика двух абсолютно неродственных женщин?

Но Арина уже не слушала «мудрые» прозрения старого брюзги. Её тянуло вырваться из этой убогой комнатёнки с её пылью, рухлядью и спёртым воздухом на улицу, где гуляет

свежий ветер, чтобы подумать, но не о своём совпадении с Кариной Титаровской (в этом она уже убедилась раньше), а о таком же чуде совпадения лица её Олега с лицом молодого Николая Михайловича. Она выпросила у Макарова фотографии Титаровской и Кольки Быстряка и, глубоко вздохнув, приступила к процедуре прощания. Но не тут-то было.

– Пойдите, Арина Сергеевна, а как же с кофепитием? – искренне возмутился Макаров. – И даже не пытайтесь отказываться. Я убеждён, что прежде чем окунуться в петербургскую стылую морось, вам для вашего здоровья совершенно необходимо испить со мной чашечку горяченького бескофеинового кофейку?

Только через четверть часа Арине удалось вырваться наружу.

Мрак, ветер и мелкий ноябрьский дождь окружили её, но она не чувствовала непогоды, изумление и нечто подобное священному ужасу парализовали её способность к адекватному восприятию окружающего мира. Ноги машинально влекли Арину к автобусной остановке на Каменноостровском проспекте, а в голове билась одна единственная мысль: «Её Олег – точная копия Николая Михайловича Быстрова». Она вдруг ясно представила, как полвека назад по её любимому университетскому коридору проходила лёгким шагом пара студентов, неотличимых от неё с Олегом. Одно совпадение – уже чудо, а что же говорить о двойном совпадении!?

В её голову упорно лезли дикие мысли о петлях времени, о червоточинах в четырёхмерном пространстве Минковского, о буксующих матрицах, с которых снова и снова считывается одна и та же информация, и даже о перевоплощениях после смерти. Но перевоплощение могло быть лишь в её случае, а как быть с Олегом, когда одновременно существуют оригинал и его копия? Никакие завитки времени не могли бы объяснить это явление. Впрочем, гипотеза о многократно копированных вселенных легко справилась бы и с этой трудностью.

На следующий день, увидев Олега, Арина спросила:

– Скажи, тебе известен городок по имени Талнах?

– Как мне не знать его? это же, фактически, район Норильска. Норильск на левом берегу Норилки, а Талнах – на правом.

– Надо же! – делано удивилась Арина.

– А почему ты спросила?

– Да так. По телеку показывали этот городок. Говорили, там добывают что-то ценное.

– Да, там обнаружено богатое месторождение медно-никелевых руд.

Весь второй час лекции Арина провела в размышлениях. Оказалось, её многое связывало с Олегом. Во-первых, они оба родились в первых числах апреля 91-го. По документам

Арина была всего на пару дней старше. Во-вторых, они родились примерно в одном месте: Арина в Талнахе, Олег – в Норильске. В-третьих, (если принять соображения Быстрова) они оба выросли в приёмных семьях. В-четвёртых, они оба – визуальные копии двух успешных учёных, закончивших много лет назад Ленинградский университет. И главное, оба человека, на которых они чрезвычайно похожи, побывали летом 90-го года в каком-то одном месте под Норильском. Эти факты привели Арину к весьма экстраординарному заключению: она и Олег – клоны Титаровской и Быстрова, зачатие которых произошло где-то под Норильском в разгар лета 90-го года.

8

В понедельник шестого декабря 2010-го года Григорий Александрович Никифоров – хозяин Роспалладия – сидел за столом своего норильского офиса и просматривал секретный отчёт об объёмах добычи в ЮАР металлов платиновой группы. Несмотря на свои всего-то сорок, Никифоров уже входил в первую двадцатку российских олигархов. В основе поразительного успеха молодого бизнесмена лежало его невероятное, можно сказать, звериное чутьё мгновенно оценивать рыночную конъюнктуру и тут же принимать выгодное для себя решение. Сейчас он должен был дать указание своим агентам, что делать с резервами драгметаллов: начать ли выбрасывать их на рынок, или придержать до более подходящего момента. Он быстро разобрался в ситуации, нашёл правильное решение и даже прикинул, сколько миллионов «зелёного бабла на этом срубит».

Покончив с финансовыми делами, палладиевый король откинулся в своём троне и улыбнулся. Сладкое чувство гордости собою охватило молодого олигарха, и он с удовольствием подумал, как должны завидовать конкуренты его невероятной удачливости. И тут же неприятная мысль испортила этот милый сеанс самолюбования. Примерно полгода назад он – не знающий поражений супермен – столкнулся с проблемой, которую, как ни странно, не мог разрешить.

История началась с привычной ссоры с Клавой – его недавней гражданской женой, докучавшей ему бесконечными сценами ревности. В разгар их последнего столкновения Григорий Александрович обвинил Клаву в бесплодии, но та показала справку о своём женском здоровье и посоветовала ему самому провериться у медиков. К ужасу Григория Александровича выяснилось, что причина была действительно в нём. По мнению высоко оплачиваемого специалиста, бесплодие у Никифорова развилось как осложнение перенесённой в детстве «безобидной» свинки. «Чёрт бы побрал эту свинку», – вздохнул Григорий Александрович и вспомнил, как над ним – шестилетним шалуном – смеялись двоюродные сёстры. Как дразнили его, надувая щёки и противно хрюкая.

Григорий Александрович мог бы утешить себя соображением, что и у бесплодия есть свои плюсы. Например, не нужно бояться, что непутёвые потомки бездарно промотают нажитый им капитал. Однако такая слабенькая психотерапия в его случае не срабатывала, ибо Никифоров не был жаден. Ему оставалось просто забыть про чудовищную несправедливость, выпавшую на его долю, и покорно смириться, что не сможет иметь своих детей (ни умных, ни глупых, ни здоровых, ни больных – вообще никаких). Иными словами, приходилось признать, что он – богатейший и могущественный хозяин жизни – не может иметь того, что даётся совершенно бесплатно практически каждому жалкому и бездарному пролетарию.

Звякнул селектор. Приятный голос секретарши доложил: «Григорий Александрович, к вам посетитель. Просит принять по вопросу, как он выразился, государственной важности. Это доктор биологических наук Фёдор Яковлевич Поползнев». Никифоров фыркнул: «Блин! Только доктора лягушкаведческих наук мне не хватало! Маша, пожалуйста, зайдите».

Вошла длинноногая эффектная брюнетка.

– Как выглядит этот, та скать, доктор наук? Фамилия какая-то несерьёзная. Хотя поползень, – Никифоров ностальгически улыбнулся, – очень милая пташка. Обожал в детстве наблюдать, как она вниз головой по сосновому стволу типа скачет. Маша, как вы думаете, стоит ли мне с этим, тэкэть, ботаником разговоры разговаривать?

(Следует отметить, что язык, на котором Григорий Александрович изъяснялся на рабочих летучках и дружеских попойках, изобилдовал ненормативной лексикой. Поэтому при встречах в более формальной обстановке, и особенно в присутствии молодых женщин, он испытывал трудности с подбором подходящих слов. Возникавшие заторы речевого потока приходилось сглаживать нелепыми выражениями вроде: «скажем так», «типа», «что называется», «если так можно выразиться», а то и совсем несерьёзным «э-э-э», но его любимым речевым паразитом было словосочетание «так сказать», обычно сведённое к урезанной форме «та скать»)

или даже «тэкэть».)

– Судя по виду просителя, это типичный потерявший работу научник, – бесстрастно ответила секретарша. Её сочный грудной голос эффектно резонировал в массивных темно-бордовых тисовых панелях, выстилавших стены кабинета босса.

– Доктор наук, говорите, – так это же, можно сказать, окодэмик, – любуясь девушкой, пошутил хозяин Роспалладия, – такие маститые птицы, да ещё и ботаники, к нам нечасто залетают. Ладно, пусть заходит.

В бизнес Григорий Александрович пришёл, как и многие российские олигархи, после краткого периода работы в академическом институте. Там, в молодёжной среде, было принято посмеиваться над старшими товарищами, называя их за глаза «окодэмиками».

Дверь медленно отворилась, и в кабинет робко вошёл невысокий худощавый мужчина с картонной папкой подмышкой. Согбенная фигура, редкие седые волосы, впалые щёки, тёмные мешки под глазами и скорбные складки вокруг рта выдавали почтенный возраст. Лоснящийся от многократного глажения тёмно-синий костюмчик, чистая белая рубашка и старинный синий галстук в крупный белый горошек говорили о том, что «окодэмик» на мели.

– Григорий Александрович, я к вам по делу государственной важности, – доктор Поползнев приложил заметные уси-

лия, чтобы заставить свои голосовые связки не слишком вибрировать.

«От мужика с фамилией Поползнев можно было ожидать некой прыткости, а этому ботанику больше подошла бы кликуха «Ползунок», – отметил про себя Григорий Александрович.

– Фёдор Яковлевич, переходите, что называется, к сути вашего визита. И постарайтесь быть предельно... э-э-э... краткими.

Поползнев прокашлялся:

– Вы, наверное, знаете, в каком положении находится наша биологическая наука. Не будет преувеличением сказать, что она, фактически, перестала существовать. Многие учёные (особенно молодые) уже покинули страну. Оборудование безнадёжно устарело, многие здания институтов сданы в аренду предпринимателям, не имеющим к науке ни малейшего отношения. Администрация институтов думает лишь о выживании и о наживе. К сожалению, характер моей работы не сулит быстрой денежной отдачи, и посему ни один академический институт никогда не согласится зачислить меня в свой штат. А это означает, что дело моей жизни нелепо прервётся, так и не достигнув намеченной цели.

– Фёдор Яковлевич, – в голосе хозяина кабинета послышались металлические нотки, – будем считать, что вступление вы, наконец, та скать, проехали. А теперь, пожалуйста, переходите к сути.

– Суть моего обращения к вам состоит в том, что России следует возобновить работу по клонированию высших животных, – Поползнев помолчал, думая, поймёт ли олигарх значение слова «клонирование». – Видите ли, здесь, неподалёку от Норильска, мы в советские времена наладили производство точных копий высших млекопитающих.

– Овечек Долли типа разводили, что ли? – хохотнул молодой олигарх.

«Слава Богу, про клоны он слышал», – обрадовался Поползнев и лихо выпалил:

– Подымайте выше, Григорий Александрович!

– Неужто мартышек с макаками плодили, или, может, бабуинов? – Никифоров не удержался посмеяться над нелепым ботаником. – А на кой лях, подумайте сами, мне эти ваши бабуины в связке пусть даже , хе-хе, с капуцинами?

– А как насчёт нашего с вами брата? Как насчёт человека разумного? – забыв об осторожности, гордо отчеканил Фёдор Яковлевич. Он приосанился, и его ясно-голубые глаза победно вспыхнули.

Никифоров застыл в изумлении и несколько секунд буравил своими пытливыми жёлто-зелёными глазами возбуждённое лицо окодэмика. «Похоже, бедняга свихнулся, – решил олигарх, – и надо кончать этот бессмысленный балаган».

– Фёдор Яковлевич, – заговорил хозяин Роспалладия, стараясь быть подчёркнуто вежливым, – простите, если услышался, но мне показалось, что вы будто бы занимались, в

некотором роде, клонированием э-э-э... людей?

– Да, Григорий Александрович, вы не ослышались. Мой весьма скромный коллектив сумел-таки расколоть сей крепкий орешек.

– Может быть, вы сообщите мне какие-нибудь, та скать, детали... какие-нибудь, мягко выражаясь, подробности? Где же это под Норильском могла находиться эта ваша, выразимся поделикатнее, э-э-э ... типа лаборатория?

– Она находилась в горной пещере на плато Путорана.

Никифоров сделал большие глаза.

– Простите, Фёдор Яковлевич, – бессвязно забормотал Никифоров, – но, что-то у меня не срastается. Вы не находите, что кто-то из нас типа безумец.

– Вижу я, вы мне не верите. Я этого ожидал и всё-таки на что-то надеялся, – Поползнев безнадежно махнул рукой. – Вот теперь, молодой человек, вы видите сами, как у нас в России из века в век пресекались и продолжают пресекаться самые перспективные начинания.

– Хорошо, – Никифоров стал приходить в себя, – приведите мне хотя бы один аргумент, чтобы я мог вам поверить.

– Знаете, работая в науке, я совершенно разучился лгать, да и с психикой у меня пока что проблем не было. Конечно, вы можете мне не верить, но всё-таки я прошу вас хотя бы пролистать мой последний отчёт, – с этими словами Поползнев бросил на стол олигарха тошенькую папку для бумаг. – Этот отчёт я написал в декабре 91-го, как раз когда

в Беловежской пуще Борис Ельцин с парой партсекретарей славянских республик лихо распиливали СССР. Если вы не ознакомитесь с содержанием этой скромной папки, то Россия упустит свой последний шанс стать мировым лидером хотя бы в клонировании высших организмов. Все наши политики твердят, что люди – наше главное богатство, а на деле, никто не хочет финансировать работу, способную в недалёком будущем многократно приумножить то самое главное наше богатство.

«Он сумасшедший. Это бред», – твердил про себя Никифоров, но что-то в глубине его души хотело, чтобы всё, сказанное этим странным просителем, было бы правдой.

– Хорошо, я ознакомлюсь с вашим отчётом, – сухо произнёс хозяин кабинета. – Но не ждите от меня скорого, так-э-ть, ответа. В течение двух недель я постараюсь составить своё мнение о перспективах вашей работы. Вас по телефону ознакомят с моим заключением. Сразу оговорюсь, я не уверен, что захочу финансировать ваш необычный, можно даже сказать, э-э-э ... ваш подозрительный проект.

Поползнев снова безнадёжно махнул рукой.

– И всё-таки вот последнее, что я должен вам сообщить, – скромный проситель снова расправил плечи, окончательно выйдя из образа забитого интеллигента. – Эта папка содержит материал высшей секретности. Посему вы должны меня заверить, что наш разговор и содержание моего письменного отчёта останутся в полнейшей тайне.

– Не волнуйтесь, господин Поползнев, – не скрывая иронии, процедил Никифоров, – я уважаю интересы моего государства.

– Молодой человек, я надеюсь на ваше благородство.

С этими словами странный проситель покинул кабинет олигарха.

«Чёрт знает что! – сокрушённо воскликнул Никифоров, откинувшись на спинку своего троноподобного стула. – Вот она вечная проблема, как отличить гения от идиота. Беда в том, что, как говаривали во времена господства марксистской идеологии, в этом деле крайности действительно сходятся». Он нажал на кнопку вызова секретарши: «Маша, зайдите ко мне». Секретарша мгновенно появилась. Ей было интересно услышать, что скажет босс о необычном посетителе. Войдя, она быстрым изящным движением отбросила со лба красивый «непокорный» локон тёмно-русых волос и устремила на начальника свои, слегка подведённые тушью сапфировые очи. Но, как ни старалась девушка выглядеть бесстрашной, огонёк в глазах выдавал неистребимое женское любопытство.

– Маша, – почему вы впустили ко мне этого типа параноика?

– Потому что он не параноик, – негромко, но твёрдо отрезала секретарша.

– Почему вы так решили?

– Параноики, Григорий Александрович, со мною не заигрывают. Они безмолвно сидят, буравя воспалёнными глазами, цветной табель-календарь над моей головой, при этом не замечая моего присутствия. Этот же тип сначала долго и внимательно рассматривал меня, и наконец (видимо, разобравшись во мне) ласковым голосом завёл разговор о погоде, о норильском климате и об этом нескончаемом мраке. Сказал, что «держат прелестных девушек севернее Полярного круга просто бесчеловечно». А потом он очень мило улыбнулся, и я поняла, что передо мною совершенно нормальный человек, неплохо знающий природу женской души. Такие не могут быть психопатами.

– Интересное рассуждение, – олигарх оценивающе взглянул на молодую женщину. – Значит, по-вашему, он не из тех, мягко говоря, идиотов, выпрашивающих деньги на постройку типа хрустальной пирамиды, сосущей энергию из Космоса?

– О, нет! Этот товарищ вполне заземлён, и к тому же он умён. Жаль, что староват.

– А кстати, в какой верхней одежде он пришёл?

– Не поверите, но на нём был белый овчинный полушубок, такой, как у советских солдат в фильме про битву под Москвой.

– А что было у него на ногах? Я, по мужской ограниченности, ни разу не взглянул на его башмаки.

– Но я-то, конечно, взглянула. Он был обут в поношенные

якобы утеплённые ботинки. Но я знаю, такие плохо греют в норильском климате.

– Спасибо, Маша. Вы мне очень помогли. Принесите-ка чашечку крепкого кофе и в течение часа никого ко мне не впускайте.

Секретарша ушла. Никифоров встал, прогулялся взад вперёд по своему просторному кабинету и подошёл к окну. Там во внешнем мире царила бесконечная полярная ночь. В зеленоватом свете фонарей были видны снежные вихри, летящие над замороженной мостовой. Подумал о Поползнев, бредущем сейчас к автобусной остановке, подняв воротник своего тулупа и согнувшись в три погибели, чтобы противостоять порывам ледяного ветра. Мелькнуло: «Плохо быть на севере бедным».

Мнение красавицы-секретарши совпало с потаённой мыслью Григория Александровича, что странный посетитель отнюдь не сумасшедший. Но если он умственно здоров, то следовало принять нелепейшую вещь, что где-то тут, неподалёку от его рудников, всего двадцать лет назад копировали людей. Олигарх сел за стол и взял оставленную Поползневым тощенькую папку. На её серой картонной обложке было чёрным фломастером выписано: «Отчёт о работе за 1991-й год Научного хозяйства №21». Григорий Александрович развязал тряпичные тесёмки – внутри лежала стопка из пары де-

сятков листов формата А4 с текстом и фотографиями. На верхнем поле каждого листа стояла фиолетовая прямоугольная печать «Совершенно секретно». На последнем листе были «выводы», Никифоров пробежал их глазами.

За истекший год завершена отработка техники выращивания человеческого плода без участия суррогатных матерей. По всем показателям младенцы, выношенные в искусственной матке, не уступили контрольным новорождённым, появившимся в роддомах Норильска. Следует отметить, что наша техника защищает плод от многих осложнений, обычных при традиционном деторождении. Во-первых, исключена возможность травмирования младенца при родах. Во-вторых, исключена недоношенность. В-третьих, исключено попадание в организм плода вредных веществ (алкоголь, лекарства, наркотики), нередко употребляемых матерями. Кроме того, искусственное вынашивание даёт существенную экономию государственных средств, расходуемых на пособия, связанные с беременностью и родами. И главное: наша техника позволяет в перспективе перейти к массовому производству заведомо здоровых детей.

Было передано в родильные учреждения Норильска три (3) здоровых клона: одна (1) девочка и два (2) мальчика.

Отчёт кончался подписью: д.б.н. Поползнев Ф.Я., 08/12/1991. Подпись была перекрыта круглой фиолетовой печатью, на её лимбе можно было различить «Научхоз-21

У хозяина Роспалладия перехватило дыхание. «Это подделка, – прошипел он, стиснув ладонями виски, – это искусная, блин, подделка, чтобы вытянуть из меня мои кровные. Впрочем, всё это легко проверить», – Никифоров злорадно усмехнулся, представив, как выведет окодемика на чистую воду. А тем временем руки олигарха машинально перебирали листы с фотографиями. Большая их часть касалась какого-то крупногабаритного аппарата из металла и пластика. Взгляд Никифорова стал пересекать изображение странного аппарата и замер. Внутри него, в каком-то прозрачном шаре, Григорий Александрович увидел нечто, очень похожее на человеческий плод. Это напомнило олигарху Петровскую кунсткамеру в Петербурге со склянками с заспиртованными уродцами. «Но какая же, ёшкин кот, гадина сляпала эти фейковые фотки?» – мелькнула негодующая мысль. На пяти страницах приводился нудный перечень реактивов, якобы необходимых для роста человеческого плода на разных стадиях развития, и их цена в долларах. Были тут и листы с фотографиями всех трёх младенцев, якобы переданных в роддома Норильска. Новорождённые выглядели здоровыми и вполне счастливыми.

Никифоров с силой захлопнул папку. Склонился над микрофоном: «Маша, вызовите Круглова!»

Через десять минут в кабинет энергично вошёл малорослый, тощенький, седенький, прилизанный и какой-то незаметный старичок, но именно он отвечал за личную безопасность олигарха и за безопасность его бизнеса в Норильске.

– Михал Иванович, вы знаете некоего доктора наук... э-э-э... Поползнева Ф.Я.? – начал Никифоров.

– Фёдора Яковлевича? – быстро отозвался старичок. – Как не знать? Лет двадцать назад его имя было у всех у нас на слуху.

– Это у кого же у вас?

– У местного отделения КГБ, Григорий Александрович.

– Где он работал?

– В каком-то ящике. На каком-то секретном объекте.

– Где находился тот, та скать, объект?

– Где-то на плато Путорана.

– И чем они там, блин, занимались?

– Вот этого я вам не скажу и думаю, этого вам теперь уже никто не скажет.

– Понятно, э-э-э... Михал Иванович, не могли бы вы исполнить для меня одну типа просьбишку, – Круглов повернул к боссу своё лучше слышащее ухо. – Пожалуйста, соберите мне побольше сведений об этом Ф.Я.Поползнев. И обязательно отыщите его фотографию.

Никифоров выжидательно замолчал, наблюдая за реакцией старичка. Тот оставался спокойным, было ясно, поручение босса не показалось ему трудно исполнимым.

– Свободны, – закончил разговор олигарх.

Бывший службист вытянулся и эффектно щёлкнул каблуками.

– Будет сделано, Григорий Александрович. За мной не заржавеет.

Через два дня Круглов снова стоял перед хозяином.

– Вот, Григорий Александрович, ксерокопия анкеты доктора Поползнева Фёдора Яковлевича. Родился он в 1950-ом, в 1972-ом окончил биофак МГУ, в 1981-ом стал доктором биологических наук и получил лабораторию на секретном объекте НХ-21.

Никифоров всмотрелся в копию фотографии, приклеенной к анкете. Сомнений не было, это был тот самый человек, который приходил к нему два дня назад, только на снимке он был моложе и здоровее. «Ай да, Поползнев! Ай да, блин, Ползунок!» – мысленно воскликнул Никифоров.

– Где находится этот НХ-21? – голос олигарха слегка дрожал от волнения.

– Вы хотите спросить, где он находился?

– Говорите же, блин вас побери, если знаете!

– Представьте, сумел и это выяснить, но за дополнительную работу прошу дополнительный бонус.

– Пара сотен зелёных устроит?

– Более чем, Григорий Александрович! – в голосе Круглова зазвучали радостные нотки. – Итак, докладываю: НХ-21

находился в горной пещере на северном берегу озера Лама, по нашим меркам недалеко отсюда – около пяти часов хода на скоростном катере.

Повисла долгая пауза. Наконец олигарх откинулся на спинку своего трона.

– Спасибо, Михал Иванович. Великолепная, должен заметить, тэкэть, работа. Свободны.

Начальник службы безопасности с явным удовольствием щёлкнул ботинками и покинул кабинет босса.

Оставшись один, Григорий Александрович наконец дал волю своим чувствам. Его душа ликовала. Случилось чудо, он открыл нечто такое, что ему в голову никогда не могло бы прийти. Теперь в его руках был заряженный пистолет, и в его воле было тщательно прицелиться и произвести роковой выстрел, которого никто не ждёт. Мозг олигарха был настроен извлекать из всего наживу. Но какую выгоду могли принести ему клоны людей? И он пустил своё воображение в свободный полёт:

– Можно создать идеальных работяг, добывающих для меня драгметаллы за копеечную плату. Для этого нужно лишь найти одного здоровенного мужика с куриными мозгами и расплодить его в тысяче, тэкэть, копий.

Мысль эта не вызвала энтузиазма у опытного бизнесмена. Он сразу сообразил, что возни много, а денежная выгода слишком мала для покрытия издержек.

– Отыскать гениального паренька, вроде Альберта Эйнштейна, и расклонировать его, скажем, в двадцати копиях. Через тридцать лет одна из них наверняка получит типа Нобелевскую премию. А мне-то что с того? Слава мецената, блин, покровителя наук? Хрен вам, господа либералы! Не дождётесь!

– Размножить синеглазую красавицу типа моей секретутки и создать подпольный гарем? Что за чихня, блин, в башку затекает! Я и сейчас могу заполучить любую тёлку, затратив ничтожную сумму.

– Расклонировать самого себя и дать своим клонам великолепное образование.

Вот эта мысль Григорию Александровичу понравилась, ибо освобождала от комплекса неполноценности, связанного с бесплодием.

– За хренам мне миллиарды, если я не могу передать их своим потомкам? А тут у меня будут сыновья, подумать только, неотличимые от меня самого. Не это ли главная мечта отца? А что касается затрат на этот, блин, проект, то в данном случае они не выглядят чрезмерными, ведь по-другому я ни за какие шиши не смогу получить себе родного сына. Да ещё и повторяющего меня во всех деталях без всякого влияния, тэкэть, матери. Говорят, на детях гениев природа типа отдыхает, а тут не пропадёт и не отдохнёт ни один из моих первосортных генов. Итак, ради своих потомков, ради радости отцовства, проект Поползнева, несмотря на всё его

безумие и дороговизну, следовало бы реализовать.

На этом можно было бы прекратить рассуждение, но Григория Александровича потянуло на мечтания. Он попытался представить, что сделают его потомки в будущем, и как-то незаметно в разгорячённой голове олигарха забрезжили озорные мыслишки о... – подумать страшно – о чём-то вроде монархии. Сначала он улыбался этим сладким видениям, но вдруг посерьёзnel:

– А сколько найдётся, блин, кровососов, адвокатишек, жуликов и проходимцев всех типов, мастей и сортов, готовых отжать бизнес у моих потомков! О, нет! Только государственный аппарат, только крутая военная мощь государства смогла бы защитить мой честно нажитый капитал. Вывод один: у меня должна быть власть, власть вооружённая, более сильная, чем всякие там милиции-полиции. Короче, я должен стать пожизненным президентом с диктаторскими полномочиями, а государство, блин, должно иметь конституцию, закрепляющую на все времена власть моих потомков.

Отсюда следует ещё один вывод: «Было бы не слабо напечатать сотню-другую клонов идеального телохранителя, нарядить эту клонгвардию в шикарную чёрную форму, усыпанную золотыми блёстками, и вооружить самым передовым хайтековским, блин, оружием».

Никифоров с удовольствием вздохнул, налил полстакана виски, выпил залпом, провёл рукой по влажным губам и от-

кинулся в своём троне. «Чёрт! Всё-таки какой же я везучий человек, – он хохотнул, нажал на кнопку селектора и весело отчеканил: – Маша, свяжитесь с доктором Поползневым и попросите его явиться ко мне завтра в десять утра».

«Нет, но каков Ползунок? – продолжил Никифоров свой мысленный монолог. – Не удрал, подлец, за границу! А ведь где-нибудь в Соединённых, та скать, Штатах этого Ползунка, с его-то знаниями и опытом, отхватили бы самые престижные университеты. Отвалили бы ему жалование штук двести в год, и зажил бы Фёдор Яковлевич в тепле да роскоши, как принц заморский. А этот Ползунок, носящий в голове своей знания и таланты на миллиарды баксов, приполз ко мне, обхохочешься, как жалкий просителишка, переминаясь с ноги на ногу, чтобы разогреть застывшие в паршивых башмаках свои ножные, блин, пальцы. Воистину удивителен русский человек!»

Уже через неделю в Норильском отделении Росбанка на имя Ф.Я.Поползнева был открыт счёт на 50 тысяч долларов.

Фёдор Яковлевич расцвёл. Приоделся, купил тёплые ботинки, снял в Норильске хорошую квартиру, вызвал из Томска жену с ребёнком и окончательно расправил плечи. Чёрная полоса жизни осталась позади, и он верил, что скоро его ладони прильнут к рычагам «клонотронов» – созданных им чудо-аппаратов, полностью заменяющих женскую матку. Конечно, он догадывался о желании олигарха расклонировать самого себя. «Но зачем миру новые хищники, терзающие наши недра? – задал Фёдор Яковлевич своему «Я» риторический вопрос и сам же ответил: – Миру нужны мыслители и первопроходцы, открывающие для человечества новые горизонты».

И хотя в доперестроечные времена в беседах с собратьями-интеллектуалами Поползнев исповедовал стандартные либеральные взгляды, но именно советский режим, с его тягой к секретности и полным отсутствием всяких предрассудков – и религиозных и моральных – помог ему в осуществлении своей мечты. А мечтал он ни много ни мало, а о новом способе производства людей, который мог бы наполнить мир талантами и гениями и тем ускорить научно-технический прогресс. Впрочем, была ещё одна причина, заставлявшая Поползнева отдавать все силы делу штамповки детей в обход капризной половины человечества. Просто Фё-

дор Яковлевич страстно желал показать всем своим начальникам, всей многоуровневой системе академической науки, что успех такого невероятно амбициозного проекта всецело зависит лишь от него одного – скромного и незаметного человека, выросшего в скромной семье рабочих Мурманского Судоремонтного завода.

Иногда ощущение своей значимости даже пугало Фёдора Яковлевича. «Стоит мне заболеть, и история человечества изменит свою траекторию!» – вот мысль, постоянно, изводящая учёного, заморожённого своей мечтой. Иногда в самый неподходящий момент, например, когда он, сидел, бездумно помешивая кофе в кают-компании своей пещерной лаборатории, или когда поглаживал корпус мерно шумящего клонотрона, кто-то в его голове неожиданно возглашал: «Ты один из великих!»

Будучи атеистом, Поползнев объяснял свою профессиональную эффективность не даром божества, а даром случая, собравшего в его геноме лучшие гены родителей. И эти же гены вселили в его светлую голову весьма сомнительную мысль, которую можно было бы назвать верой в благосклонность к нему Фортуны. Удивительно, как в его голове рационализм атеиста совмещался с совершенно иррациональной верой, что сама богиня Фортуна следит за ним, охраняя от фатальных ошибок и не бросая в беде. Эта вера помогала Фёдору Яковлевичу сохранять оптимизм в бесконечной череде серых повседневных будней. Более того, за долгие годы

пещерного заточения у него выработалась парадоксальная реакция на трудности: чем хуже, казалось бы, шли его дела, тем ощутимее зрело в его душе ожидание успеха – ожидание того, что принято называть подарком Фортуны. И, действительно, эта капризнейшая из богинь не раз подносила ему щедрые дары. Один такой составлял главную тайну Фёдора Яковлевича.

В конце 89-го он подготовил к работе три клонотрона и уже в 90-ом должен был приступить к первой попытке вынашивания младенцев без всякого участия суррогатных матерей. Однако важнейший вопрос, кого клонировать, решал не он, а какие-то большие начальники в Москве. Летом 90-го в Научхоз-21 прибыли двое «гостей» (женщина в конце июня и мужчина – в начале июля), от которых ему надлежало взять исходный клеточный материал. Чуть позже прибыл пакет с материалом третьего донора, и сразу после этого сверху был спущен приказ запускать процесс развития всех троих клонов. Поползнев приказ исполнил, но радовался недолго, ибо в самом начале великого предприятия случился досаднейший сбой – остановилось развитие клона от третьего, анонимного, донора. Кем был тот «счастливчик», никто не знал, но было известно, что таинственный пакет был доставлен в Норильск на военном истребителе. Поговаривали, что анонимом было какое-то важное лицо, чуть ли не член Кремлёвского Политбюро.

Поползнев быстро установил, что причиной сбоя было

нарушение технологии консервирования клеток. Но когда он доложил своему московскому куратору о постигшей их неприятности, тот разорался и грубо выматерил ни в чём не повинного Фёдора Яковлевича. Сказал, что от успеха развития данного зародыша зависит финансирование всего Полярного научного подразделения. Московский начальник плохо разбирался в биологии развития, да ему и не нужно было в ней разбираться. Он просто потребовал, чтобы Поползнев сделал повторную попытку вырастить клон из образца тканей большого человека. Фёдор Яковлевич прекрасно понимал, что повтор ни к чему не приведёт, и тогда, недолго думая, он пошёл на подлог – взял для клонирования свои собственные ткани. Сначала Поползнева слегка мучила совесть, но он быстро её успокоил, рассудив, что его копия принесёт человечеству куда больше пользы, чем клон партийного аппаратчика.

К счастью, клон Поползнева успешно стартовал и завершил своё внутриаппаратное развитие лишь на сутки позже запланированного срока. Однако, когда осенью 91-го наступило время распределения младенцев по приёмным семьям, выяснилось, что Москва отказывается принять своего клонна. Поползли слухи, что таинственный донор лишился власти в хаосе событий 91-го, а новые правители страны попросили головного куратора научхозов не докучать им проблемой усыновления копии политика, ушедшего в небытие. И тогда до Поползнева дошло, что ему снова невероятно по-

везло, что Фортуна не отвернулась от него, и теперь он может обеспечить попадание собственного клона в надлежащие руки. Вскоре подвернулась бездетная чета Маковских из Томска. Семья культурная – преподаватели Томского Политеха.

Как и следовало ожидать, в 92-ом финансирование великого проекта было прекращено, и немногочисленные сотрудники научхоза разбрелись по стране в поисках работы. Поползневу удалось устроиться в Томский университет доцентом на кафедре генетики, так что теперь он мог подглядывать за жизнью своей копии.

Илья (так называли попозневского клона приёмные родители) развивался очень быстро. Уже в пять он умел выполнять в уме все четыре действия арифметики с двухзначными числами и без труда обыгрывал в шахматы приёмного отца. Способного мальчика отправили в школу в шесть лет, где он прекрасно успевал, уступая некоторым одноклассникам лишь в физкультуре.

Поползнев регулярно заходил в ту школу. Бывало, за десять минут до начала занятий он садился в вестибюле и смотрел, как его юный двойник приходит, раздевается в гардеробе и весело бежит в свой класс. Но однажды Фёдор Яковлевич не увидел Илья, не увидел он его и в последующие дни. Наведя справки в учительской, узнал, что семья, усыновившая его отпрыска, эмигрировала в Америку. «Куда именно?» – не скрывая отчаянья, воззвал Фёдор Яковлевич к ди-

ректрисе школы. «Кажется в Чикаго», – отмахнулась она от несчастного отца. У Поползнева потемнело в глазах. Он не помнил, как оказался на улице и как добрался до дома, не видя ни дороги, ни машин, ни людей. Размышлять он не мог, ибо его сознание было заполнено всего одной мыслью: «Я потерял второго себя, мою истинную и единственную любовь».

Исчезновение мальчика потрясло Поползнева, можно даже сказать, он потерял смысл жизни. Вспомнил было о благоклонности к нему судьбы и горько усмехнулся, ведь знал же, что Фортуны во все времена считали ветреной и ненадёжной богиней. Как тень, приходил Фёдор Яковлевич в университет, автоматически отчитывал положенную лекцию и сразу после этого бежал на свою скромную квартиру в бревенчатом доме дореволюционной постройки, запирался на ключ и примитивно напивался.

К счастью, этот самый мрачный отрезок жизни Поползнева продлился только два года. Как часто бывает со слабохарактерными талантливыми людьми, спасение пришло от молодой женщины, звали её Анфисой. Она работала ассистентом на той же кафедре и быстро оценила способности и огромные знания Фёдора Яковлевича. Первый шаг к их сближению был сделан на пирушке по случаю Дня Победы. Сотрудники кафедры выпили, поговорили о великом прошлом своей страны и понемногу разошлись по домам. Но Поползнев не мог заставить себя уйти, когда на столе ещё

оставалась выпивка. Не ушла и Анфиса, которую интересовал этот странный, малоразговорчивый и ещё не старый мужчина. Оставшись один на один с неординарным доцентом, она улыбнулась ему и со словами «Ваше здоровье, товарищ Поползнев!» подняла свою рюмку водки. Фёдор Яковлевич рассмеялся, налил себе и чокнулся с рюмкой Анфисы.

– Анфиса, вы неплохой психолог.

– Фёдор Яковлевич, я чувствую, вы человек непростой. Расскажите, что привело вас в нашу сибирскую глушь?

– Милая Анфиса, вы ещё не видели, что такое настоящая глушь.

– Вы говорите загадками. Может, расскажете, где вы работали раньше?

Поползнев вдруг почувствовал неудержимое желание рассказать всё о себе этой кроткой женщине. Такое движение души считается первым свидетельством возникающего чувства, но Фёдор Яковлевич, скажи ему такое, объяснил бы свой порыв чистой случайностью. И действительно, у Поползнева давно зрело желание излить кому-нибудь свою душу. Иногда он с трудом сдерживал себя, чтобы не крикнуть окружающим: «Несчастные! Знали бы вы, кем я был до развала страны? Какие проблемы, считавшиеся неразрешимыми, я с лёгкостью раскалывал!» Но Фёдор Яковлевич молчал, во-первых, потому, что говорить о прежней работе было нельзя, а во-вторых, он знал, что ему просто не поверят. И

вот теперь молодая добрая и далеко не безобразная женщина искушала его выйти из тени. И он приоткрылся:

– Родился я в 50-ом в Мурманске, там же окончил школу. В 67-ом набрался наглости поступить в МГУ и поступил. Потом в 72-ом попал в аспирантуру к доктору Куропаткину, но, приступив к экспериментальной работе, понял, что многого не знаю. Целый год просидел в библиотеках, выбирая тему будущей работы, пока не наткнулся на статью Джона Гёрдена, сумевшего расклонировать ксенопуса – африканскую шпорцевую лягушку.

– Как он это сделал? – спросила Анфиса.

Поползнев оживился:

– Гёрдон удалил из лягушечьей икринки ядро, а на его место загнал ядро из клетки кишечника головастика. Из комбинированной икринки вырос совершенно нормальный головастик, который со временем превратился в совершенно нормальную лягушку. Работа Гёрдена вызвала переполох в научном мире, ведь она доказала, что у амфибий ядра специализированных клеток сохраняют в целости и неизменности всю наследственную информацию организма.

Конечно, нашлось немало скептиков, говоривших, что доказанное для лягушки не факт для зверушки, что строение организма у млекопитающих намного сложнее, чем у амфибий. Так, кстати, думал и мой шеф доктор Куропаткин. Но я чувствовал, что в основе болтовни о «пропасти» между амфибиями и млекопитающими лежит тайный, я бы сказал,

религиозный страх признать, что и человека можно так же, как ту примитивную лягушку, воссоздать из любой клетки взрослого организма... И я решился...

– Господи! – изумилась Анфиса. – Неужели вы решились так вот прямо вырастить клон высшего животного?

– А почему нет? – усмехнулся Поползнев. – Как известно, не боги горшки обжигают!

– Ну, рассказывайте дальше.

– В 80-ом я заменил ядро яйцеклетки одной крысы на ядро из клетки кожи другой. Выращенный клон по всем генетическим маркёрам повторил крысу, давшую ядро. Мой шеф сообщил об этом результате директору Института биологии развития, а тот рассказал ещё кому-то в Президиуме академии, и в один прекрасный день я был вызван в кабинет Особого отдела Института общей генетики. Мой доклад слушало несколько солидных мужчин-экспертов, один из которых был в мундире КГБ или чего-то в том же роде. После доклада на меня обрушился водопад вопросов. Эксперты в штатском кричали, размахивали руками, ругали, хвалили, и лишь человек в военной форме сидел тихо и внимательно слушал.

Через неделю я был снова вызван в Особый отдел, но на этот раз со мной беседовал седовласый военный в чине генерала. Быстро выяснив, что я холост и не собираюсь заводить семью, он предложил мне продолжить работу по клонированию в некой лаборатории на Севере Красноярского края. Я сразу согласился. Вскоре мне была присуждена без защиты

диссертации степень доктора биологических наук, и я приступил к работе по клонированию высших организмов.

– И всё-таки кого конкретно вы клонировали? – спросила Анфиса.

– Извините, ради бога, – Поползнев помрачнел, – но я не хотел бы рассказывать о своей работе в Заполярье прежде всего потому, что не довёл её до конца. И причиной тому была Перестройка. Чёрт бы её побрал! В 92-ом финансирование проекта прекратилось, и я был вынужден искать работу, чтобы обеспечить себе минимальный уровень существования. К счастью, мне повезло устроиться здесь, в ТГУ, – Фёдор Яковлевич снова наполнил свою рюмку: – Правда, с некоторых пор меня тошнит от научной работы. Лекции ещё туда-сюда, а экспериментальные исследования по теме вашей кафедры меня, знаете ли, совершенно не вдохновляют.

Поползнев наконец опьянел, чем тут же воспользовалась Анфиса, чтобы задать вопрос, интригующий женскую часть кафедры.

– Фёдор Яковлевич, вы женаты?

Он тупо уставился на Анфису, не понимая, к чему вопрос, не имеющий отношения к теме разговора.

– А? Вы про это? О, нет, я не женат. Школьную любовь упустил, а потом был слишком увлечён работой. Ну а на Севере милых дам даже не видел, – Поползнев сказал это, и перед его глазами промелькнуло прекрасное лицо женщины, от

которой брал клеточный материал летом 90-ого. Он немного помолчал и сухо добавил: – Детей тоже нет.

Естественно, Фёдор Яковлевич умолчал об Илье и о том, что потеря контакта с кровным отпрыском явилась главной причиной его охлаждения к науке. Об этой своей боли Поползнев не мог признаться даже пьяным. Так и осталось для Анфисы непонятным, почему полный сил учёный не может найти для себя достойное занятие. Она догадывалась, что для людей, вроде Поползнева, отсутствие хорошего финансирования не является непреодолимым препятствием для успешных исследований.

Поведала и Анфиса о своей жизни. Рассказывала, фактически, самой себе, потому что Поползнев только делал вид, что слушает, а на деле злился, что наговорил лишнего. Она рассказала, что родилась в 72-ом в Томске. В 90-ом поступила в Томский университет, в 95-ом – в аспирантуру, но сделать диссертационную работу в срок не успела. Слава богу, её оставили на кафедре, где она может продолжать своё исследование.

– Ну и как? Нарботали на диссер? – задал Поползнев вопрос вежливости.

– Да где там! – с горечью ответила Анфиса. – Видно, ума не хватило. Да и с руководством не повезло.

– Мне бы ваши заботы, – простонал Поползнев и поспешил домой с мыслями о недопитой бутылке водки в холодильнике.

Анфиса не была красавицей, но и дурнушкой её нельзя было назвать. Это была среднего роста крепко сбитая круглолицая блондинка с пышной грудью и широкими бёдрами. Она немного стеснялась своей крестьянской внешности и завидовала изящным фотомоделям с их длинными ногами, узкой талией и узким личиком. Но главные достоинства Анфисы таились в её душе. Она была поразительно доброй женщиной, воспитанной на классической русской литературе и патриотических фильмах. Впитанная с молоком матери советская идеология не позволяла ей раскисать ни при каких обстоятельствах. Она не могла принять, чтобы рядом с нею погибал от алкоголизма такой удивительный, такой способный и такой симпатичный человек.

После того разговора на Дне Победы между Поползневым и Анфисой установились почти дружеские отношения. Однажды Анфиса набралась смелости прийти к Фёдору Яковлевичу домой. В ответ на его немой вопрос: «Что тебя ко мне принесло?» она вынула из сумки четвертинку водки и сказала, что у неё полный завал на работе, и потому ей страшно хочется напиться. Поплакалась, что на диссертацию уже махнула рукой, и что даже на неприятную статью в отечественном журнале нет у неё материала. Поползнев равнодушно плеснул ей в стакан водки. Они звонко чокнулись и

выпили за злую судьбу. Выпив, Фёдор Яковлевич ожил, расспросил девушку о деталях её работы, играючи в них разобрался и указал путь к разрешению проблемы.

Анфиса послушалась поползневского совета и уже в том же году получила неплохой результат, который можно было публиковать.

Теперь пришла очередь Анфисы помочь Фёдору Яковлевичу. Она стала часто приходить к нему домой, чтобы поговорить не так о работе, как о более отвлечённых вещах – о большой науке, об искусстве, об истории и даже об опостылевшей обоим политике. Охотно рассуждая о высоком, Поползнев часто забывал о своей депрессии, и в глазах его временами появлялся прежний блеск. Анфиса, естественно, пыталась выяснить причины его падения, но он лишь однажды обронил, что потерял близкого человека и интересную работу и больше не видит цели, чтобы жить.

И тут случилось повторение сути первого акта известной шекспировской трагедии: «Она меня за муки полюбила, а я её за состраданья к ним». Ему было пятьдесят два, ей – тридцать. Во время очередного разговора на высокие темы он неожиданно отметил, что у Анфисы красивые серые глаза, на её далеко не впалых щеках пылает здоровый румянец, а на полных губах играет зовущая улыбка. Повинуясь минутному импульсу, он поцеловал её в эти улыбающиеся губы,.. а далее всё пошло по пути, давным-давно отработанному эволюцией.

Утро они встретили на узком диванчике съёмной квартиры Фёдора Яковлевича. Анфиса сварила кофе, и они приступили к разработке плана совместных исследований. Девушка расхрабрилась и сама предложила весьма оригинальную схему решения довольно сложной проблемы. Поползнев поначалу принял план Анфисы в штыки, но она упорствовала, приводя дополнительные аргументы. И случилось невероятное – Фёдор Яковлевич признал правоту своей гражданской жены и пришёл от неё в восторг. Вскоре Поползнев сам увлёкся их совместной работой и, самое удивительное, он перестал пить. Анфиса и исследовательская работа давали ему необходимый для нормальной жизни объём положительных эмоций. Свою общую статью они опубликовали в хорошем западном журнале. В 2006-ом Анфиса защитила кандидатскую, а в 2007-ом осчастливила мужа рождением сына. И наконец, Фёдор Яковлевич сумел убедить себя, что у него нет серьёзных оснований убиваться по потере информации об Илье. Ведь живёт-то его клон далеко не в Африке и едва ли бедствует в своём вполне благополучном Чикаго. Эта простая мысль окончательно вернула Поползневу интерес к жизни, и ему захотелось заняться чем-то значительным, чем-то великим, чтобы не краснеть при встрече с единокровным сыном за бесцельно прожитые годы.

Теперь Фёдор Яковлевич всё чаще вспоминал своё блестящее время, когда где-то там в заполярной пещере, мож-

но сказать, у чёрта на рогах, творил в клонотронах талантливых людей. Перебирая в памяти достижения его пещерной эпопеи, он всё больше проникался убеждением, что такие многообещающие заделы нельзя бросать на произвол судьбы, что если не он, то кто в стране, да и вообще на планете, продолжит его великое предприятие. Анфиса отогрела душу Фёдора Яковлевича и невольно заставила его снова ощутить свою значимость.

Однажды в конце ноября 2010-го Поползневу приснился яркий сон. Будто он – молодой и уверенный в себе – стоит в просторном зале, залитом голубоватым светом люминесцентных ламп. К нему подходит красивая молодая шатенка в белом халате и торжественно произносит, играя интонациями под Левитана: «Все системы вашего нового клонотрона работают в штатном режиме. И главное, – глаза шатенки вспыхивают любовью, – развитие объекта идёт в строгом соответствии с вашей революционной программой. Товарищ Фёдор, вы действительно один из великих». Его нервы радостно напряжены, а мысли прикованы к чему-то необыкновенно важному, зреющему в чреве нового клонотрона.

От сильного возбуждения Поползнев проснулся. В комнате уже светло, за окном величественно падает снег. «Но что же зрело там в моём новом клонотроне? И кто та красавица в белом халате» – спросил он себя, тяжело вздохнул и покорно взвалил на свои плечи груз неумолимой реальности.

Фёдор Яковлевич, встал; умываясь, внимательно рассмотрел своё отражение в зеркале, отметил признаки прогрессирующего увядания и принял решение нарушить данное прежним властям обязательство о неразглашении. За завтраком, он, преодолевая немалое волнение, рассказал жене, чем на самом деле занимался в Заполярье. Анфиса, естественно, была поражена. Она и раньше считала своего Федю великим человеком, но клонирование людей выходило за границы её представления о возможном. Через полдня напряжённых размышлений она сказала: «Поезжай-ка, Федя, в Норильск и обратись к промышленнику Гришке Никифорову. Говорят, он хоть и воротила, каких мало, но мужик мозговитый. У него есть деньги, очень много денег, и он, если захочет, может в момент возродить твоё дело. Хотя многое зависит и от тебя, Феденька, от твоего искусства уговаривать». – «И от благосклонности Фортуны», – добавил про себя Фёдор Яковлевич.

– А ты, Анфиса? – Поползнев пытливо всмотрелся в светлые глаза жены. – Готова ли ты жить в Заполярье, в стране, где полгода ночь, а лета, фактически, вообще нет?

– Господи! Феденька! Да я с тобою хоть на край света! – радостно засмеялась она.

– Анфисочка, надеюсь, ты понимаешь, что речь идёт именно о крае света.

– Конечно, дорогой. И не забывай, я всё-таки коренная сибирячка.

Вечером 5-го апреля 2007-го юный клон Поползнева лежал в гамаке и смотрел на темнеющее небо. Одна мысль не давала покоя Илье Маковскому: «Завтра мне исполнится шестнадцать, а у меня всё ещё нет цели жизни».

Школьные учителя прочили способному юноше блестящую карьеру в области точных наук. Советовали поступить в Иллинойсский технологический институт для изучения теоретической физики, но сам Илья сомневался. Современная физика, по его мнению, зашла в область, принципиально недоступную зрительному представлению, а он любил думать, перебирая цветные картинки, творимые его воображением.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.